

ВАЛЕНТИН БАДДРАК

ВОСТОЧНАЯ
СТРАТЕГИЯ

Родом из ВДВ

 FOLIO

Восточная стратегия

Валентин Бадрак

Родом из ВДВ

«Фолио»

2011

Бадрак В. В.

Родом из ВДВ / В. В. Бадрак — «Фолио», 2011 — (Восточная стратегия)

«Родом из ВДВ» – первый роман дилогии «Восточная стратегия», посвященной курсантам Рязанского ВДУ. Американцы прозвали это училище Рязанским колледжем профессиональных убийц. В советское время поступить в него было почти невозможно. Двум парням из Украины повезло... Так начинается истории двух офицеров — выпускников Рязанского воздушно-десантного училища. Один из них, Алексей Артеменко, вскоре становится слушателем Академии Советской армии — одной из самых засекреченных в мире разведывательных школ. Став офицером ГРУ, он даже не подозревает, что вскоре ему придется вести подрывную работу против своей родины. Его друг, Игорь Дидусь, начинает службу в знаменитом в СССР 345-м воздушно-десантном полку, только что вернувшемся с Афганской войны. Грузино-абхазская война 1992–1993 годов, Шамиль Басаев, чеченские войны — все это прочно входит в его жизнь. Каждый из них по-своему приходит к пониманию своего места в жизни.

© Бадрак В. В., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая Железные солдатики генерала маргелова	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	27
Глава пятая	40
Глава шестая	46
Глава седьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валентин Бадрак

Родом из ВДВ

*ВЫПУСКНИКАМ РЯЗАНСКОГО ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОГО
УЧИЛИЩА ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

Пролог

*Воин должен учиться одной-единственной вещи:
Смотреть в глаза смерти без всякого трепета.
Цукахару Бокуден, знаменитый японский фехтовальщик XVI века*

Пристальными наблюдателями давно отмечено, что вся история нашей цивилизации является не более чем историей диких войн и кровавой борьбы за доминирование в пространстве, непримиримой вражды и безумного, чуждого даже миру животных соперничества внутри человеческого вида, напроць оторванного от природы.

Но еще в большей степени история человека оказалась историей изощренного обмана. Век за веком, прикрываясь глянцевой бравадой многозначительных сияющих слов о патриотизме, родине и долге, лощеные беспринципные личности выступали организаторами вакханалий, вечной, неутихающей бойни. Под злобный хохот дьявола, закамouflированный торжественными фанфарами труб, они отправляли бесчисленные орды одних ослепленных человековоинов с установкой истребить скопища других. И рабы химерических идей безропотно превращались в производителей костей человеческих, пребывали в слепом забвении до тех пор, пока гул поля боя не сменялся воем тоски по умерщвленным. Короткое время отводилось человеческому существу для оплакивания погибших и увековечивания праха наиболее стойких из воинов. Затем все повторялось вновь. Предоставленный во временное пользование рай человек сумел кощунственно превратить в гниющую стонущую преисподнюю.

Не исключено, что это происходит вследствие тайного желания человека возвратиться на время к своему первобытному состоянию, чтобы под маской пещерного зверя насытиться запахом и вкусом крови. И самый гнусный из зверей совершает это невиданное святотатство с вопиющей цикличностью. Посягает на себе подобного, даже зная наверняка, что сойдет с ума, заболит бешенством, загубит себя среди всеобщей оргии смерти. И все великие открытия в конечном итоге начинали служить делу войны и всеобщего уничтожения. И очаги любви и созидательных намерений выжигались столь старательно и бескомпромиссно, что поработанное влечением к убийству существо стало превращаться в неизлечимого некрофила. Со временем болезнь видоизменилась. Уничтожение приобрело яркие помпезные формы, карнавал стал размахистее, изощреннее, масштабнее. Настала эпоха соперничества за мировое влияние... Эра борьбы за глобальное поработанье...

Воля к власти вступила в противоборство с жадной любви и созидания...

Часть первая Железные солдатики генерала маргелова

*Чем себя удержат на струне между срывом и
славой
И пропеть то своё, что другой не сумеет пропеть?*

Марина Генчикмахер

Глава первая

(Учебный центр Сельцы, 55 км от Рязани, август 1985 года)

1

– Рот-та! Стой! Напрра-во! Равнение на – середину! – Сержант, с показной лихостью отбивая шаги сапогами по асфальту, добрался до небольшого, в три ступеньки, крыльца и круто повернулся на носке одной ноги и пятке другой. На крыльце деревянной одноэтажной казармы стоял несколько тучноватый старший лейтенант в рубашке с короткими рукавами и в высокой, на манер офицеров Третьего рейха, фуражке с голубым ободком. На его брюках, с картинно наутюженными стрелками, такие же голубые полоски змейками уползали в искусственно разглаженные двумя хромовыми тубусами невероятно блестящие сапоги. Офицер явно был пижоном – в той мере, насколько это возможно для офицера Советской армии. Он казался неестественным и напомаженным, застывшим подобно египетскому фараону и слишком празднично-торжественным на фоне обветшалого здания казармы, за облупившейся крышей которого торчали верхушки сосен.

– Товарищ старший лейтенант, первая рота с обеда прибыла. Заместитель командира первого взвода сержант Лунев.

– Дайте «вольно», – небрежно бросил ему старлей, и тут только по шевелению аккуратно подстриженных, таких же щеголеватых усиков стало ясно, что это вполне живой человек. Черные гусарские усики несколько сглаживали пухлые, как у обожающего сладости юноши, щеки офицера. Сержант тотчас выполнил указание и остался стоять рядом с офицером, но не на возвышении, а рядом со строем, как бы в роли посредника между одним и другими.

– Товарищи курсанты, – начал старлей спокойным, уверенным и оттого негромким голосом, – довожу до вашего сведения, что я – ваш командир роты, старший лейтенант Лисицкий Андрей Петрович. Прибыл для прохождения службы после выполнения интернационального долга в Демократической Республике Афганистан. Сегодня утром вы стали первой ротой первого батальона Рязанского высшего воздушно-десантного дважды краснознаменного командного училища. С сегодняшнего дня вас будут называть не абитуриентами, а курсантами. У вас начинается новая жизнь – курс молодого бойца. КМБ, если коротко. В течение двух с половиной месяцев вы будете иметь возможность еще раз хорошо все обдумать. Сразу предупреждаю: на КМБ ваша жизнь не будет сладкой, но это цветочки по сравнению с дальнейшей жизнью курсанта РВДУ. Это всесторонняя проверка, за этот период вы должны совершить три первых прыжка с парашютом, пройти много разных тестов. Но главное – до конца убедиться, что сделали правильный выбор. По окончании КМБ каждому из вас будет еще раз задан вопрос о выборе профессии и каждый из вас сам сделает окончательный выбор. Выпускники средних школ в случае добровольного отказа смогут вернуться домой или поступить в другое, факти-

чески любое, военное училище нашей необъятной страны – у нас один из самых высоких проходных баллов, поэтому в любом военном заведении СССР для вас будут открыты двери. То же самое касается и кадетов. Особо акцентирую на этом внимание, потому что после КМБ и принятия присяги назад дороги не будет. Начинайте обдумывать ваше решение с сегодняшнего дня. Не буду скрывать: передо мной не стоит задача сохранить всех зачисленных курсантов. Напротив, стоит задача отсеять всех, кто не способен служить в ВДВ, для чего и набрано вас полтора состава. ВДВ – это элита Советской армии, РВДУ – не просто элитное военное училище, но первое из училищ, единственное в своем роде. Поэтому очень хорошо думайте.

Алексей видел, как при произнесении последних слов короткие усики старлея ретиво и насмешливо вздернулись кверху, а губы искривились в иронической усмешке. Сказанное им как бы подчеркивало не окончательную полноценность всех этих молодых людей, необходимость для них снова доказывать, отстаивать свое уже как будто завоеванное место. В глазах ротного каждый без труда мог прочесть полное безразличие, в непоколебимости его власти над ними присутствовало нечто царственное, незыблемое, не поддающееся эмоциональным колебаниям. Именно с такими бесстрастными глазами и лицами, чуждыми сценической пластике или артистизму, лишенными выражения сомнения, и отдаются самые судьбоносные, самые чудовищные приказы. Потому старлей казался страшным в этой отчетливо мрачной сухой бесчувственности. В этот момент каждый из зачисленных курсантов ясно осознал, что они представляли собой некую бесформенную массу, похожую на группу подопытных лабораторных крыс, которую, вероятно, будут замысловатым способом переплавлять в нечто однородное, имеющее конкретную форму и предназначение. Но далеко не всякий людской элемент в него войдет лишь потому, что отменно знал геометрию и даты исторических сражений.

– Теперь внимание, курсанты, – продолжил ротный, слегка повысив тон, хотя строй и так застыл беззвучно, в напряжении, ибо, как оказалось, судьбы их еще не были решены окончательно, а каждое новое слово могло что-то прояснить в их общем будущем. – Сейчас я вам представлю старшину роты, начальника для каждого из вас в отсутствие офицеров. Лунев, позовите старшего сержанта Мазуренко, – обратился он к сержанту, который привел роту с обеда.

Через несколько мгновений на пороге казармы появился вызванный из казармы ново-явленный старшина. Он был почти одного роста с ротным, даже, может быть, немного ниже, потому что блестящие хромовые сапоги офицера имели весьма широкую платформу, призванную, очевидно, возвышать его и над более рослыми подчиненными. Однако в противовес росту старшина был едва ли не в три раза шире в плечах своего ротного. Если Лисицкий казался холеным щеголем, то Мазуренко – топорно и непропорционально сбитым мужиком, словно его в самом деле вытесали из грубого базальтового камня. В то время как взор ротного почему-то вызывал у Алексея сходство с хитрым выражением глаз Людовика XIV со страниц школьного учебника, старшина расстреливал взглядом в упор, причем всех сразу. Он предстал в совершенно непривычном, даже несуразном для данной ситуации виде: на ногах замшевые светло-серые кроссовки, а из одежды – лишь выцветший от времени, выгоревший на солнце десантный комбинезон когда-то цвета хаки, верх которого был снят и небрежно повязан узлом на талии. В результате строй имел возможность обозреть могучий торс с выпуклой бронзовой грудью, немислимым овалом плеч и кольчужными кубиками на плоском животе. Неискушенному наблюдателю могло бы показаться, что он только что вышел из тренажерного зала, где занимаются бодибилдингом, но на самом деле структура его мышц была совсем иной. Профессиональный взгляд скорее рассмотрел бы мускулы метателя диска или воина-спартамца, стоящего с царем Леонидом у Фермопильских ворот, чем поклонника устланых мягкими покрытиями залов. Это были мышцы, которыми пользуются постоянно и для весьма конкретных целей, а не только во время посещения зала с единственной задачей – приукрасить мужское тело. Устрашающий внешний облик молодого мужчины дополняли наколки – они делали его

похожим на уголовника. Под левой грудью была набита группа крови, на левом плече правая часть строя могла рассмотреть три магические буквы «ВДВ» под старательно выведенным несмылаемыми чернилами знаком из парашюта и двух перекрещенных, взмывающих ввысь самолетов. Стоящие же слева курсанты видели маленький силуэт десантника с парашютом с не менее странными буквами «DRA». Но еще более, чем торс, поражало его лицо, придававшее хозяину сходство не то с воином, не то с осужденным рецидивистом. Если глаза ротного выражали бесстрашие, то глаза старшины горели тусклым и мрачным огнем, как некогда раскаленные, но теперь тлеющие угли. В них, как и в иссеченном суровыми складками лице, сквозила неумолимая печать грубой мужской силы, затаенность едва сдерживаемого общественными условностями порыва хищника. Слишком часто во взоре его проглядывал лютый зверь, тайно жаждущий властвовать по праву силы, готовый низвергнуть все сопротивляющееся. Годами он был старше на добрых пять-шесть лет стоявших в строю, именно тех лет, которые отделяют войлочного нескладного юношу от сформировавшегося сурового мужчины. Этот человек на пороге казармы казался в высшей степени экзотичным даже среди ста пятидесяти спортивно сложенных, специально отобранных для непростого военного дела парней.

Новоявленный курсант Алексей Артеменко во все глаза рассматривал двух своих главных начальников. Ротный, окутанный шармом великолепия своего положения, казался ему недостижимым богом в силу немислимой дистанции, отделяющей искушенного войной офицера от нескладного юноши, только замахнувшегося на карьеру военного. Старшина же ввергал его в шок своим иррациональным видом, вызывая смутный страх и содрогание. И вместе с тем он стал в один миг мистическим символом всего того, что стояло за тремя волшебными буквами «ВДВ», светом, источаемым инопланетянином, неземным существом.

– Товарищи курсанты, старший сержант Мазуренко назначен старшиной роты, и в отсутствие офицерского состава он является старшим в роте, все его распоряжения и приказания выполняются, как отданные мною. Ясно?!

– Так точно! – пока еще вразнобой и все-таки дружно прокричала рота первую, недавно выученную военную фразу.

– Кстати, старшина, – обратился ротный к Мазуренко с ухмылкой, вполне любезной при всей непреложности, – роту надо потренировать отвечать командиру...

Старшина ответил едва видимым, хотя и явственно почтительным наклоном головы.

После представления старшины новоиспеченным курсантам дали пятнадцать минут перекура. Им, вчерашним школьникам, только нынешним утром поменявшим статус, все теперь было интересно, все вновь. Как замороженные, молодые люди ходили вокруг обветшавшей казармы, знакомясь друг с другом и не решаясь пока ни заглянуть внутрь незамысловатого помещения, ни отойти от него на слишком большое расстояние. Они напоминали большой щенячий выводок, впервые выпущенный за ограду и оттого нерешительно суетящийся возле вольера, ограниченного новыми, неведомыми, неизученными и в то же время манящими запахами.

Алексей ликовал в душе, хотелось прыгать, плясать, кричать. Все внутри него играло от безудержного восторга. То, что он сам считал немислимым чудом, фантастической сказкой, свершилось с ним наяву. Он поступил, хотя в это вообще никто не верил из его прежних друзей! «Эх, прощайте, бывшие товарищи, теперь я элита, белая кость, иная каста! Я буду скроен из другого человеческого материала, вернее, из нечеловеческого, сверхчеловеческого материала! Я в дамках! Я выиграл!» Так Артеменко думал в экзальтированном, близком к сомнамбулическому состоянии, осторожно поглядывая на свое новенькое, непривычно пахнущее обмундирование. Правда, другое, более уравновешенное «Я» настоятельно советовало оставаться сдержанным, демонстрировать показную невозмутимость, одним словом – вести себя так, словно все идет по давно задуманному плану. Но все-таки ему было немного жаль этой досадной и глупой невозможности раскрыть кому-нибудь пляску души, ибо все вокруг были напряжены,

странно невозмутимы и ненатурально сдержаны, и он был вынужден поддаваться всеобщей инерции деланой сосредоточенности. Но теперь поведение курсантов медленно менялось, в нем присутствовало уже гораздо больше тайной игры и затаенного фарса, чем истинного желания видеть вокруг подвох конкурентов. Теперь ребята уже нутром чувствовали, что отныне запряжены в одну большую упряжку, а прочные лямки с сегодняшнего дня ловко наброшены на плечи, чтобы уже завтра впитаться в них со всей нещадной неотвратимостью, которую только может сулить военная жизнь.

Прямоугольная курилка напротив казармы была слишком маленькой, чтобы вместить всех желающих, потому, прикурив сигарету, Алексей отошел к краю казармы. Он курил редко, но ради поступления решил насладиться сигаретой из пачки, которую мысленно считал последней. Сладко затягиваясь и исподволь разглядывая своих будущих сослуживцев, он с удовольствием вдыхал новые, непривычные запахи, в первую очередь – только что выданного обмундирования темно-песочного цвета с едким, вездесущим запахом склада и чего-то особого, неясного, но точно сугубо военного. Этот стойкий запах никак нельзя было назвать ароматом, но он был приятен, потому что непрерывно напоминал о сбывшейся мечте. Точно таким же, только еще более грубым, резким запахом несло от сапог, которые Алексей разглядывал с некоторым удивлением: они выглядели несуразно на ногах, привыкших к удобным кроссовкам. Он то и дело чувствовал себя захмелевшим от предвкушения штормового ветра, как моряк, который впервые отправляется в дальнее плавание в открытый океан. «Не может быть! Поступил, поступил! Даже не верится. Вот она, высшая, исконно мужская радость – достигнуть поставленной цели. Цели заоблачной, в приближение к которой не верил никто, разве что мама. И вот теперь свершилось! Бейте в барабаны, кричите, расскажите это учителям со скептическими усмешечками, старому въедливому военному, который, полагаясь на свой колоссальный опыт, говорил, что это пустая затея, и предлагал ехать в Ленинградское топографическое... Эх вы! Наивные, несчастные, никчемные люди, да вы просто не знали, с кем связались! Вы просто не подозревали, что значит сила одержимости!» – При этих мыслях Алексей затянулся с таким упоением, что даже закрыл глаза от удовольствия.

2

– Слышь, а это ты с Черкасской области? – прервал размышления Алексея голос подошедшего вплотную парня. Он был немного ниже ростом, но коренастый и, как в народе говорят о таких, сбитый. Из-под надвинутой на лоб пилотки в Алексея оценивающе всматривались серо-облачные насупившиеся глаза. Его не по возрасту суровый вид дополняли поразительно густые, щетинистые гусеницы сдвинутых бровей, навевавшие воспоминания о советском генсеке Леониде Ильиче в юности.

– Ну да... я с Умани, – буркнул Алексей, слегка недовольный столь бесцеремонным вторжением незнакомца в его мир, в красивую, бесценную сказку юности, которую не очень-то хотелось отпускать, считать историей и, тем более, делиться ею.

– Значит, ты – мой зёма, – доброжелательно заключил тот, – я из села Межирич, это в Черкасском районе. Ну, практически из Черкасс. Я Игорь. – И он протянул Алексею свою ладонь.

– Зёма? – удивился Алексей, но на всякий случай подал руку и назвал.

Рукопожатие было коротким, крепким и почти дружеским, а рука Игоря Алексею показалась слишком узловатой, мозолистой, крестьянской, как бывает у привыкших к тяжелому труду людей. Взгляд же поразил открытостью и прозрачностью, какую случается увидеть в чистой водной глади пруда в тихую погоду, и эта бесхитрость, прямая простота подкупали. «Явно не похож на городского, – мелькнуло в голове у Алексея, – какой-то замшелый селянин, правда, странный».

– Зёма – значит земляк. В армии приравнивается к брату. Сигаретой угостишь? – спросил новый знакомый, слегка улыбнувшись и передернув плечами, словно расправляя их. Улыбка вышла неловкой, извиняющейся и показалась натянутой. Но во всем его облике Алексей уловил какую-то любопытную задоринку – смесь взрослой иронии с детской смешинкой.

– А ты откуда узнал, что я из Украины? – спросил он, вытаскивая из кармана пачку и отмечая деланую, будто нарочитую непринужденность парня. Алексею стало жаль сигарет, которых в пачке осталось меньше половины, но в голове шевельнулась мысль, что так, пожалуй, даже лучше: быстрее закончатся, и он избавится от порочной табачной зависимости. Ведь решил же.

– Подсказали... знающие люди. – Игорь с оттенком ненатуральной важности сделал ударение на слове «знающие», но тут же немного смутился, словно ему не очень хочется распространяться о причинах своей осведомленности. Но это был отменный козырь для продолжения разговора, и он не удержался от напускной таинственности. – Вообще-то в роте много парней из Украины, человек пятнадцать, не меньше. Но из Черкасской области только мы двое. Тут, кстати, почти трети роты нет.

– И где ж они? – поинтересовался Алексей.

– Всех поступивших из войск распределили на различные работы. – Теперь Игорь говорил с убедительной интонацией человека, обладающего ценными сведениями, даже не без некоторой гордости и скрытого превосходства. – Для нас оставили только замкомвзводов, да вот еще старшину.

Алексей в ответ промолчал, поджал губы и пристальнее взглянул на собеседника. По правде говоря, его не очень беспокоили какие-то там люди, которые когда-нибудь присоединятся к роте. За две с половиной недели поступления он не выползал из пещеры своих собственных переживаний, и теперь, после включения в состав первой роты, ему все еще было комфортно наедине с собой: он упивался победой, которая казалась значительной, почти выдающейся. Но новый знакомый, случайно или из-за сходных мыслей, разгадал его ощущения.

– Знаешь, какой конкурс был в этом году? Восемнадцать человек на место. Золотых медалистов восемь человек провалилось, зато есть поступившие с двойками.

Алексей насторожился; при всей своей заинтересованности он был озадачен – информация явно предназначалась не для всяких ушей. «И зачем этот хлыщ все это мне выкладывает, – подумал он. – В дружки набивается, что ли?» Впрочем, он об этом где-то слышал, но медалисты отсеивались на физической подготовке, профотборе или медосмотре. А вот про поступивших с двойками за экзамен... это что-то новое. Он внезапно подумал о том, сколько нервов, потрясений и мучительных ожиданий с искусанными до крови губами оставлено тут при поступлении. Но парень не унимался, ему, по всей видимости, доставляло удовольствие поддразнивать земляка тем, о чем невольно думал каждый из них. Поступление уже состоялось, стало свершившимся фактом, но еще не перешло в категорию привычного, с ним не свыклись, оно как-то зависло в воображении, беря воспоминания о мучительно напряженных днях тестирования и затаенных, настороженных, почти безмолвных ночах в палатках, когда каждый видел в соседе потенциального конкурента.

– Я знаю одного сержанта, у которого по всем предметам двойки. Сечешь? Но он с Афгана, с орденом Красной Звезды. Кстати, наш старшина тоже афганец и тоже с Красной Звездой.

Алексей посмотрел на нового знакомого с недоверием. Ему припала не по душе его навязчивая фамильярность. Натуральный ханыга, небось, через родственничков разноухал, теперь ходит, придает себе важности. Он чувствовал, как внутри собирается и растет волна предубеждения против этого человека, смесь негодования и презрения...

– Слушай, кто тебе все это напел? – В голосе Алексея теперь уже присутствовало некоторое раздражение. Было видно, что его стал тяготить этот странный разговор, да и само знакомство.

– Рот-та, строиться! – истошно заорал один из сержантов, и они оба вздрогнули от не привычки к новому положению вещей.

– Расскажу потом, если интересно. Пошли, – кивнул Игорь на призыв сержанта и поковылял к месту построения.

Последние метры им пришлось преодолевать бегом, чтобы не оказаться последними, – интуиция уже с неумолимой четкостью предписывала молодым людям чрезвычайную резвость и языческое поклонение новым богам.

Глава вторая

(Учебный центр Сельцы, 55 км от Рязани, август 1985 года)

1

Говорят, важно, какие ты в детстве книжки читал... Эх, спору нет, это бесконечно важно. Но жизнь порой способна неумолимо ткнуть носом в такие смрадные углы человеческой обители, что, невольно вздрогнув, осознаешь: есть вещи и более важные, хотя кажутся плоскими и бесхитростными на ощупь. Порой много весомее оказывается та простая система координат, из которой вывернулась, как винт по спирали, твоя личная точка отсчета. Место, где ты впервые обнаружил себя на шахматной доске жизни... И если книги наделяют мудростью, то та пресловутая система координат не дает пробиться в твоей судьбе червоточине, позволяет просто выжить, избежав роковых трещин в судьбе.

Первые несколько дней после зачисления основательно перевернули всю жизнь Алексея Артеменко, вернее, само его представление о жизни. Теперь его потребности, желания и устремления неожиданно резко сузились, безнадежно опустились на самое дно пирамиды человеческого бытия. Фокус всеобщего внимания неожиданно сосредоточился на единственном – слове «успеть». К этому слову, как оказалось, можно присовокупить до неприличия громадное число глаголов. Успеть добежать, успеть вовремя встать в строй, успеть помыться, успеть почистить сапоги, успеть безупречно заправить кровать, успеть подшить воротничок, успеть натереть металлическую пряжку ремня, успеть уложить парашют, успеть точно положить пули на мишень, успеть освоить и выполнить новую команду, успеть... отдохнуть. Увы, порой этих «успеть» оказывалось многовато для одного дня и уж, несомненно, для одного человека. К счастью, с этим «успеть» курсант Артеменко боролся не в одиночку.

Но Алексей ловил себя на мысли, что он засыпает и просыпается в одном и том же положении: в какой позе застыл вечером по команде «Отбой!», в такой его заставляла утром команда «Подъем!». Он все время пребывал в диком, неестественном напряжении, как будто превратился в лесное животное и непрестанно ожидал нападения подкрадывающегося охотника. Будто все, кто теперь начал руководить его жизнью, только и хотели уличить в медлительности, нерасторопности, непонятливости. «Ты, что, курсант, тормоз?! Снимись с ручника и действуй!» – От такого укола словами теперь никто из них не был застрахован, и каждый из курсантов с содроганием ждал такую фразу. Хотя бывали наезды и покруче, и грань между грубым намеком и откровенным оскорблением стиралась с неимоверной быстротой. От этой постоянной пружинной сжатости Алексей забыл всю свою предыдущую жизнь, первая же неделя настоящего смерчем выкорчевала из памяти все предшествующее. Исчезло все: странным образом выпали из головы важные строки из мудрых книг, память неумолимо вычеркнула восторг прикосновения к девичьей груди, канули в Лету зрительные образы родных, друзей, приятелей, было у самого корня сломано ощущение самого себя. Его личность, личности его товарищей отныне им не принадлежали. Они растворились в пространстве титанической борьбы, направленной на сохранение лица человеческого. Все перестало существовать, словно и не было никогда предшествующей училищу жизни. Фокус внимания сузился до щели старого отцовского фотоаппарата в тот момент, когда нажимали на выдержку. Он думал, тридцать секунд или, в крайнем случае, минута, а вышла бесконечность. И только матовое, усталое, осунувшееся от забот лицо матери порой возникало перед Алексеем, когда ему становилось невмоготу от душного, нестерпимого и пока еще чужого пространства казармы.

Оказаться аутсайдером было тут самым страшным преступлением. Роль неуспевающего приравнивалась к роли предателя и должна была караться так же, как выжигалась инквизицией

ересь. И дело было уже не в насмешках товарищей, а в их постепенном озлоблении, так как советская военная система воспитания являла собой уникальный феномен коллективно-принудительного воздействия на всех сразу. Не успевает один солдат застлать кровать – три часа тренируется до головокружения весь взвод. Не сумел один из тридцати выскочить из казармы через минуту после подъема – все тридцать будут умываться потом до тех пор, пока отстающий с ними не выровняется. Потому-то за насмешками угадывалась прозаичная, рвущаяся на поверхность самозащита. Все курсанты мало отличались друг от друга и теперь походили на ежей, затаившихся, ошестинившихся иглами от возросшего чувства неведомой опасности.

Но еще больше, чем отставание, тут каралась гордыня. Алексей внезапно столкнулся с целым кузнечным производством, в совершенстве работающим департаментом по переплавке и перековке строптивых личностей. Сам он не причислял себя к ершистым мятежникам, скорее беспокоился о сохранении индивидуальности, личности как таковой. Но суровый армейский закон уравнивания и приведения всех к серому, безликому и в то же время крепкому трафарету оставался самым незыблемым правилом, первой аксиомой ВДВ. Воины должны быть такими же одинаковыми и прогнозируемыми, как выстроенные в ряд их кровати или тумбочки, которые можно отличить исключительно по биркам: ни снаружи, ни внутри невозможен даже намек на индивидуальность. Если у кого-нибудь ремень ослаблен – это значит только то, что он желает выделиться и продемонстрировать свое особое положение в социуме. Все обязаны быть одинаково серыми, одинаково оловянными солдатиками. И если ускоренные темпы любых действий казались Алексею оправданными, то необходимость уравнивания всей человеческой массы он принял как самое болезненное для себя правило, ущемляющее свободу. Внешняя угловатость рамок передавалась внутреннему состоянию, и у него появилась новая, ранее неведомая постоянная напряженность, похожая на ожидание удара молотком по подставленным пальцам, – в случае, если что-то будет сделано неверно. И от этого ощущения он уставал больше всего, выбивался из сил от невозможности остаться наедине с собой, от недопустимости мыслить вообще. Превращение в машину происходило у Алексея особенно болезненно, он с детства привык быть хозяином своей жизни, а тут им распоряжались как вещью. Причем как вещью, к которой не чувствуют особого уважения, как к механизму, который в случае поломки можно быстро и легко заменить. Боль ширилась и нарастала у Алексея оттого, что его ценность в собственных глазах стремительно таяла, а он не мог ни объяснить этого, ни повлиять на это.

Законным отдыхом были полчаса после обеда, когда можно было прислониться в тени к неприятно теплой стене и несколько минут подумать о доме и прежней жизни. Но и эти полчаса зачастую укорачивались до десяти минут, потому что кто-то что-то не успел и взвод должен был оттачивать особо неподдающийся элемент солдатского быта. Чаще всего они разыгрывали театральное представление «подъем-отбой». За считанные секунды будущие десантники раздевались, забирались в постель и, съевшись под одеялом, напряженно ждали. Чтобы, по команде дружно вскакивая, судорожно хватать свои вещи, не попадать в спешке ногами в брюки, толкать друг друга в узких проходах между двухъярусными кроватями, мрачно ругаться сочным нецензурным словом, гневно подшпиливать локтями друг друга... Одним словом, превращаться в необузданную, дичающую толпу, стадо получеловеков, которое уже прошедший эту же нехитрую школу сержант гнал на улицу к офицеру. По-обезьяньи прыгая вместе с обескураженными требуемым темпом товарищами, Алексей дивился тому, как быстро с каждым новым актом они становились управляемыми, все более обезличенными, подходящими на манекены, на игрушечных роботизированных солдатиков, которые то замирают, то ловко двигаются по заданному маршруту с четко обозначенным набором действий... Это был мир ошеломляющих превращений, и Алексей отдавал должное факирам...

Только одного он пока понять не мог: как после всех этих разрушений, после глумливой насмешки над всем тем, что ему казалось ценным и дорогим, – книгами, романтикой, отно-

шениями с людьми, к которым он испытывал трепетные чувства, – вырастают небывало могучие духом, непробиваемые, почти неуязвимые люди. Именно такими ему казались курсанты выпускного курса, которые сдавали в это же время госэкзамены. Они выглядели удивительными! И не только потому, что все были одинаково бронзовые, как будто спустились погостить с Олимпа. И совсем не из-за их впечатляющих, блестящих на солнце мускулов. Их словно скроили из другого материала – жизнерадостных, улыбочивых, ни к чему не относящихся все-рьез и умеющих абсолютно все. Они были, как сами себя называли, полными пофигистами. Алексей не до конца понимал, что они хотят этим сказать, но интуитивно сознавал: это круто, это значит, что они живут в согласии с собой, презирая весь окружающий мир с его всегда недостижимыми прелестями и богатствами. Когда они были вместе в строю, то походили на сказочных тридцати трех богатырей, когда – порознь, каждый оказывался крупной, едва ли постижимой личностью. Многие из них водили на поводках варанов – живые свидетельства недавней горной подготовки в Кировабаде. И порой злой блеск в глазах выдавал азарт тех, кто уже написал рапорт с просьбой направить на войну в Афганистан. «Поступил – гордись, не поступил – радуйся!» – говорили они вместо приветствия новичкам. И Алексей дивился, отчего без пяти минут офицеры видят в них, желторотых, людей, равных себе, тогда как сержанты, отслужившие два, а то и полтора года, называют презрительным словом «щеглы». И только в разгаре КБМ Алексей сполна вник в брошенную одним из курсантов четвертого курса фразу-установку: «Если хотите окончить это училище, готовьтесь к тому, что вы все четыре года будете ходить параллельно и перпендикулярно. Или бегите отсюда, пока не поздно».

И из этих слов Алексей вынес предположение, что главная ломка все-таки еще впереди. Он верил старшекурсникам и хотел стать, как они, беспечным и удачным. Алексей смотрел по сторонам и видел, что и другие верят, и у других глаза блестят от предвкушения собственной удали. Ну и что, что бульдозер с огромным ковшом и гигантскими колесами еще только приближался к ним, чтобы решительно проехать по их характерам, поломать и перекопать все ранее приобретенные установки, чтобы на индивидуальных обломках построить новые, коллективные принципы. Кому нужны были эти вырабатываемые характеристики, Алексей не знал; он принимал все со странной покорностью мученика, самостоятельно лишившего себя свободы и отдавшего во власть чужих людей. С каждым днем он ощущал, что у него остается все меньше себя, а ощущения и переживания, имевшие для него исключительный смысл, самое важное значение, должны быть забыты, уничтожены или упрятаны настолько глубоко, чтобы никто не мог до них дотянуться. Ибо все личное растапывалось тут столь цинично и безжалостно, как в тюрьме. Но основательно притупленным разумом, а скорее загнанным телом, Алексей осознал: он определенно попал в экстремальные условия, где главной целью теперь стало выжить и не лишиться чувства собственного достоинства.

Да, он попал в состояние всеобщей войны, в архаичный мир нескончаемой борьбы всех со всеми, а значит, надо действовать по правилам военного времени.

2

– Рот-та, р-равняйся! – дал команду старшина Мазуренко, выделяя первую букву, отчего даже в спокойном состоянии его голос казался похож на львиный рык.

Сотня человек застыла, как будто они были бандерлогами из известной сказки Киплинга, застигнутыми врасплох голосом удава. И только где-то в глубинах отдаленно стоящего пятого взвода продолжалась какая-то невнятная перебранка между курсантами.

– Упор лежачий! – По команде старшины все мгновенно упали. – Сорок раз отжаться! – Во взгляде старшины в эти мгновения отражалась вся непредсказуемость и взрывоопасность его натуры. Любое сближение с ним, любое общение было как прикосновение к

оголенному проводу, по которому время от времени пускали ток; так что никогда не знаешь, когда крепкий разряд пронзит именно тебя.

– Что, школьнички-бубенчики, устали?! – измывался старшина, который по любому поводу и в любом месте наказывал роту бесчисленным отжиманием от пола, асфальта, земли, чего угодно. Звероподобный старший сержант Мазуренко заодно отучал юношей плевать под ноги на месте построения, чем они грешили, формируя кружки и тихонько пуская сигарету по кругу на месте построения.

Кажется, еще секунд сорок-пятьдесят тому назад все они беззаботно спали, как сурки в норках. И вот прошло всего несколько мгновений, и все уже на улице, и готовы к физической нагрузке, которая определенной части роты казалась предельной. Для Алексея физические упражнения не представляли трудности, со спортом он дружил с детства, потому отжимался легко, даже с некоторым удовольствием, получаемым от упругого управляемого тела. Курсанты были по пояс раздеты, и кожа быстро напитывалась утренней прохладой леса. Рядом отжимался Игорь, и Алексею бросилось в глаза, что земляку не так уж просто дается это незамысловатое упражнение. Сначала он отчаянно упирался, ужом извиваясь всем напряженным телом, потом стал хитрить, не опускаясь грудью до асфальта, а лишь слегка сгибая руки, и наконец просто застыл, причем руки его подрагивали. «Наверное, мышцы рук забиты», – мелькнуло у Алексея. Но Игорь оказался не одинок, еще нескольким курсантам было не под силу отжаться четыре десятка раз. Сержант – замкомвзвода, который ревностно исполнял роль надзирателя, не замедлил отреагировать на ситуацию.

– Э-э, да тут во взводе немощные. Фамилии! – потребовал он.

Курсанты начали по очереди называться.

– Рот-та, встать! Мальчики! Когда звучит команда «Рота!», все должны замереть на месте. Команда «Рота» – команда «Смирно!» Святая команда! Ясно?!

– Так точно! – колоритным громом прозвучало в ответ.

– За мной бегом – марш! – скомандовал Мазуренко после докладов сержантов о наличии личного состава.

И опять во время утренней трехкилометровой пробежки Алексей заметил, что многим не так уж легко преодолевать эту простую дистанцию, которую он всегда считал безобидной и которую все они совсем недавно сдали на экзамене. Уже к середине дистанции тяжело дышал перекошенным от напряжения ртом Игорь, и из его легких порой вырывался свист, порой слышались странные, пугающие истошноутробные звуки, а порой, как на нитке из катапульты, изо рта выпрыгивала капля слюны. К счастью для него, он был не один такой, еще человека три-четыре постоянно отставали, растягивая и без того длинную колонну бегущих. Игорь же держался в строю до конца, чудом избежав попадания в группу отстающих.

Достигнув спортгородка, старшина приказал сержантам заниматься со своими курсантами, сам же собрал отстающих в особую группу, которую он с сардонической усмешкой окрестил «группой здоровья». Упражняясь по команде сержанта, Алексей издали видел, как туго приходится попавшим к старшине. С язвительной, но беззлобной улыбкой на устах он был бесподобен в роли мясника, доканывая своих выбившихся из сил юнцов за несколько считанных минут.

– Та-ак, отстающие, в одну шеренгу на песке становись! Упражнение американского морского пехотинца «джамп». На счет раз – все присели. На счет два – подпрыгнули вверх и хлопнули руками над головой. Раз! Два! Раз! Два! Громко считаем сами!

Не ослабляя контроля над подопытными кроликами в человеческом облике, старший сержант Мазуренко запрыгнул на металлические брусья и молодецки отжался раз двадцать в невероятном темпе, легко выталкивая свое тренированное тело из плоскости двух параллельных трубчатых жердей. Старшина спрыгнул, и было видно, что он лишь чуть-чуть сбил дыхание, тогда как курсанты после двенадцатого прыжка уже не могли оторвать ног от земли.

– Стой! Упор лежа принять! Отжимаемся тридцать раз! – старшина ходил вдоль длинного ряда из двадцати пяти – тридцати курсантов, коршуном наблюдая за их отжиманием и периодически надавливая на спину тем, кто не полностью сгибал руки. Большинство из них после вмешательства Мазуренко черпали брюхом холодный влажноватый песок, а некоторые откровенно валились на него всем телом, обретая в его утренней прохладе секундное спасение от непривычного убийственного напряжения мышцы. В эти мгновения нельзя было не любоваться старшиной, и Алексей, которому довольно легко давались команды сержанта, исподволь наблюдал за перемещением старшины. В лучах показавшегося солнца был виден каждый мускул его, так что по нему впору было изучать анатомию. Но в какой-то момент Алексей смекнул, что дело было вовсе не в мышцах, олицетворявших совершенство физического состояния. Таких здоровых парней и в роте наберется десяток-полтора. Весь секрет старшины крылся в потрясающей, непоказной уверенности, дивной неколебимости духа, готовности к лютой борьбе в любую минуту, в любую секунду. Он как бы заряжал окружающих этой неумной воинственностью, тайной жаждой если не войны, то предельного риска. В нем присутствовало что-то роковое, потустороннее, с чем нельзя было не считаться, какое-то бурление темных демонических сил, одновременно и пугающее, отталкивающее, и вызывающее восхищение. И в эти мгновения Алексей, несмотря на кажущуюся жестокость старшины, чувствовал к нему растущую симпатию и вместе с ней начало каких-то смутных превращений внутри себя, начало цепной реакции трансформации сознания. Сам того не осознавая, в условиях социального и физического неравенства со старшиной Алексей склонен был приписать ему в этот момент все те возможные добродетели, которыми обладает непобедимый герой античных мифов.

Между тем старшина уже третий раз приказывал своей шеренге выполнять пресловутый «джамп», а затем отжимания. Это банальное упражнение – очевидно, плод скудной солдатской фантазии – исполнялось непрерывно. В результате несколько человек просто повалились в песок в полном бессилии, некоторые стояли на четвереньках, признавая свою неспособность двигаться, не говоря уже о прыжках или отжиманиях. Поражение «группы здоровья» оказалось безоговорочным, сокрушительным и позорным. Этого, видимо, и ждал Мазуренко – их психического подавления за счет нехитрого, бесконечно повторяемого физического упражнения. Алексей хорошо знал, что даже тренированному человеку выполнять это упражнение в течение десяти минут подряд будет не под силу. Значит, старшина преследовал совсем иную цель, весьма удаленную от стремления к физическому совершенству.

– Сынки хреновы, вы что, хотите ВДВ опозорить?! Вы что, хотите показать, что мы слабее американских морских пехотинцев?! – И Мазуренко остервенело заглядывал в закатывающиеся глаза тех, кто, как ему казалось, мог оказаться слабым звеном в цепи, которую он с наслаждением кузнеца-профессионала ковал.

– Замкомвзвода, ко мне, – скомандовал старшина после окончания экзекуции. – Запомните своих людей, они в «группе здоровья» до конца дня. Их ко мне после обеда и после ужина.

Что и говорить, день непрерывной неистойвой муштры для группы отставших не прошел зря. Впрочем, не ускользнул он и от внимания всей остальной роты. На следующее утро в «группе здоровья» оказалось вполтину меньше курсантов: старшина со своими дикими методами и неподдающейся объяснению этикой воспитания внушал жуткий ужас. «Просто для некоторых доза ВДВ оказывается слишком большой, организм ее не принимает. Это как лекарство, которое, если его много, превращается в яд. Но если организм его все-таки усвоит, на всю жизнь остаешься шальным», – услышал Алексей объяснение сути десантной школы от одного из выпускников. Оно показалось ему довольно странным; какие-то химерические видения, дикие абстракции все чаще посещали его самого – во время бега, бесконечных работ, поглощения водянистой пресной каши – озлобленные, мрачные лики внутренних сомнений рвались наружу. А туда ли он попал, куда хотел?!

Глава третья

(Учебный центр Сельцы, 55 км от Рязани, август 1985 года)

1

Прошел месяц после зачисления, и Алексею было трудно поверить, что все они только что совершили свой первый прыжок с парашютом с маленького нагруженного Ан-2. Когда их «кукурузник», ничуть не стесняясь облезлых боков, взмыл в небо и стало ясно, что назад существует только одна дорога – через вот эту железную дверь, ведущую в бездну, – внутри похолодело, зануло и засвербело, будто от щекотки, и затем оборвалось куда-то в область безнадежного и тоскливого. Он с настойчивым любопытством вглядывался в лица других курсантов, пытался отыскать там следы страха или колебаний. Лица были серы и напряжены, но на них труднее всего было прочесть страх. Он, конечно же, пришел, но у каждого был упрям так глубоко, чтобы товарищи не то что разглядеть, даже заподозрить не могли в трусости. Коллективный дух всегда низменнее и глупее индивидуального, но он наделен невероятной силой: скованные вместе невидимой цепью, люди способны бесстрашно идти на баррикады и легко умирать. Курсант Артеменко вспомнил, что где-то читал об этом. А может быть, слышал. Сейчас это было не важно. Сейчас важным было то, что проявление этого коллективного духа впервые коснулось его сознания, захватив в ледяные тиски общей бравады, готовности совершать непредсказуемые для индивидуума поступки. Алексей тоже страшился голубой бездны, но этот страх и у него самого оказался загнанным куда-то в глубины сознания, а если бы он мог взглянуть на себя со стороны, то увидел бы бесстрастного и уверенного бойца. Разве что слишком сосредоточенного, слишком напряженного. Алексей пристальнее обычного всматривался в лицо Игоря, в его глаза. Черты лица нового товарища заострились, как будто он мгновенно похудел. Но в глазах отражался поражающий спокойствием и покорностью неотвратимому сценарию стальной блеск готовности. И Алексей с благодарностью подумал об этом чуде – коллективном подавлении трепета перед опасностью, когда никто не пожелает выказать хоть малейший, демаскирующий признак слабости. Все должны быть сильными и щеголевато бесстрашными уже в силу только одной, но самой веской причины – принадлежности к ВДВ, продуваемым всеми ветрами воздушно-десантным войскам. Но как только Алексею показалось, что он окончательно поборол свой личный страх, зажглась желтая кнопка, отчего опять по телу прокатилась новая волна тревоги, зануло внутри от самого обычного, примитивного, животного страха. Засуетились бортмеханик и выпускающий офицер, и Алексей до боли сжал челюсти.

– Так, орлы, встать, заправить сиденья, – скомандовал офицер спокойным и уверенным голосом, отчего им всем почему-то стало легче. Алексей и раньше знал, что в неординарных и экстремальных ситуациях толпа с готовностью подчиняется воле того, кто берет на себя ответственность, но в действии видел эту формулу впервые.

В отличие от юношеских лиц, темное лицо офицера, украшенное густой щеткой усов, было мужественным, – оно внушало доверие.

– Приготовиться! Правая – на кольце, левая – на запаске. Держать равновесие, следить, чтобы лента стабилизирующего парашюта не попала под руку!

Напряжение нарастало, в голове начиналось кипение эмоций. Открылась дверь, и из проема в брюхо самолета влетел поток холодного воздуха, все ощутили алчное и могучее дыхание безбрежного неба.

– Пошел! – крикнул офицер первому, и тот, закрыв глаза, провалился в проем и исчез.

– Пошел! – Резкая команда офицера то и дело прорывалась сквозь шум мотора, и брюхо «кукурузника» пустело с ошеломляющей быстротой.

Тут уж и Алексей подошел к проему и почему-то опять оглянулся на Игоря – тот весил на несколько килограммов меньше и потому находился позади, через одного человека. Взгляд товарища был фантастически сфокусирован, как у гимнаста, который настраивается совершить тройное сальто. Игорь смотрел куда-то вдаль, в небесную синь, открывавшуюся сквозь проем двери; он сделал знакомое движение плечами, расправляя их и отводя назад, как будто перед боем. А затем его руки цепко сомкнулись на лямках парашюта – правая возле кольца, левая – на соединении основного парашюта с запаской. С плохо скрываемым ужасом Алексей взглянул вниз. Где-то далеко мелькнула земля, черно-желтая, неузнаваемая, другая. Всегда такое плотное и снизу кажущееся живым небо казалось пустотой, ничем. И это ничто само по себе было страшным. Невероятно страшным! Он взглянул на офицера, тот ободряюще улыбался.

– Пошел! – скорее по губам понял, чем расслышал Алексей, и рука офицера крепко шлепнула, почти ударила его по плечу. Он с усилием преодолел свое статическое положение и ринулся вперед всем телом, неотвратно и безвозвратно. И едва успел сгруппироваться, поджать ноги, как ощутил себя в каком-то беснующемся, неподвластном ничему, абсолютно непрогнозируемом потоке, с невероятной скоростью увлекающем его куда-то в область неведомого. Все его мышцы напряглись, сжались, но скорее не от страха, а от новизны непознанной ошеломляющей силы. Он почему-то вспомнил про страх обезьяны, сорвавшейся с дерева, и непроизвольно зафиксировал у себя именно это ощущение неподдающегося контролю ужаса. Но доли секунды, казавшиеся вечностью, вернули Алексея в область человеческого, осознанного отношения к происходящему. Краем глаза он увидел сверху улетающий самолет и начал лихорадочно считать: «Пятьсот один. Пятьсот два. Пятьсот три. Почему он не открывается, может, что-то с ним не так», – пронеслось у него в голове, оцепенение стало расплываться по всему сознанию. Старшина Мазуренко советовал не дергать кольцо, чтобы не потерять его и не стать объектом для ухмылок бывалых десантников. Но тогда почему не открывается?! Может быть, стропы запутались внутри, пучки ведь казались такими ненадежными?! Он уже было собирался выдернуть злосчастное, выкрашенное красной краской кольцо, которое судорожно сжимала правая рука, как услышал характерный щелчок самостоятельно сработавшего прибора, вслед за чем он провалился на мгновение в еще большую, совершенно холодную и немислимую бездну. Но затем раздался хлопок, как бывает при раскрытии зонтика, и Алексей неожиданно повис. Над собой он увидел белоснежный купол парашюта, и сердце его тотчас наполнилось ликованием, бурными эмоциями, которые он не силах был подавить. Неистово и громко, ничем не сдерживая себя в этом бескрайнем океане свободы, он во всю глотку заорал: «Эге-гей!» И вдруг такой же крик знакомым голосом ответил ему, и Алексей увидел, что совсем недалеко от него, немного выше, парит Игорь, который прыгал следом за ним. А еще дальше – небольшой ростом Белугин и совсем маленький, всего метр шестьдесят пять, Самохвалов. Они тоже радостно заорали в ответ, ловя полуминутное пьянящее ощущение свободы, от которого за месяц отвыкли и за которым очень соскучились.

С высоты шестисот метров они теперь с любопытством разглядывали игрушечные коробки их учебного центра, который Алексей узнал по высокому парашютно-десантному тренажеру. Кругом были желтые и черные квадраты полей, и где-то далеко вдали – рукав реки и темный край леса с маленькими, в спичечный коробок, сельскими домиками и тонкими, со странными изгибами, нитями дорог. Острота ощущений захватила Алексея целиком: он с жадностью ловил впечатления, стараясь не пропустить, не забыть ничего, чтобы потом описать матери. А в отпуске рассказать друзьям. Склонное к рельефным картинам воображение вело его так далеко, что трогательно-красочные картины своего будущего приезда в родной город сопровождали его до самого приземления.

Земля оказалась неприветливо твердой, и удар, резким разрядом отдавшийся в голове, свалил его с ног, а легкий ветерок потащил купол и его самого по соломенным кочкам. Но Алексей успел, как инструктировали, захватить две нижние стропы и, накрутив их на кисть, погасить купол. Удивительным оказалось и то, что от резкого перепада высот он абсолютно оглох и даже испугался дикого безмолвия вокруг. Но когда начал сворачивать парашют, слух вернулся к нему так же внезапно, как до этого исчез. Как будто пробки выпали из ушей. Алексей был счастлив.

Правда, его романтические впечатления были приуменьшены ехидным замечанием старшины Мазуренко, с которым они с Игорем столкнулись у «Урала» с парашютами.

– Чего счастливые такие? – полюбопытствовал Мазуренко с едкой ухмылкой, которую Алексей в столь счастливый миг пропустил мимо.

– Так ведь прыгнули! – почти крикнул он в ответ старшине, чуть не добавив что-то глупое типа «Свершилось чудо! Ура!»

– Так что ж тут такого. Если б ты бабу трахнул, пока летел до земли, то тогда мог бы радоваться. А так, прыгнул... Ну прыгнул, ну и что? – Старшина нагло улыбался, обнажая ряд крепких зубов и, очевидно, радуясь, что «приземлил» витающего в облаках курка.

Алексей закусил удила. Сам себе в этот момент он казался сметным мальчишкой, которого отшлепали за шалости. Он все больше убеждался, что тут, в армии, в непроходимых зарослях человеческой коммуникации, очень важно иметь хоть одну близкую по духу, по ощущениям и переживаниям душу. И с удивлением убеждался, что такой душой все чаще становится Игорь. Порой земляк поражал его своей природной непрехотливостью и отсутствием той широты желаний, которая всегда была присуща ему самому. Сам он с детства привык требовать всего и тотчас, тогда как Игорь оказался совершенно неизбалован. И этим своим впечатляющим спокойствием, отсутствием гигантского спектра свойственных Алексею порывов он уравновешивал, гасил его многослойные импульсы, как вода гасит известь. Одновременно Игорь был тем человеком, который готов был слушать его до бесконечности. На то были особые причины, потому что – и это Алексей уже знал точно – его жизнь до училища, в сравнении с жизнью Игоря, была парением в бескрайнем пространстве беспечного, свободного от каких-либо обязанностей баловня судьбы. Эдакого юного барона, тогда как Игорь явился из совсем иного, замкнутого, скудного и эмоционально нерасточительного мира. Вот и сегодня, купив гору дивно пахнущих пряников и сметаны, они ели их по-разному. Целый месяц они жили впроголодь: ложка слипшейся каши с куском черного хлеба утром и вечером, а к обеду еще прибавлялась тарелка несъедобной баланды. У большинства курсантов деньги водились, но для посещения буфета в лагере – булдыря на курсантском языке – требовалось не меньше получаса, которого не было никогда. Дважды они с Игорем вырывались в булдырь, но так и ушли ни с чем: очередь не продвигалась главным образом потому, что курсанты четвертого курса подходили вне очереди и поток их был нескончаем. И когда Алексей тоскливо провожал взглядом очередного детину с покупками съестного, лицо у него, наверное, было невообразимо жалобным. И тогда Игорь не выдержал, ткнул его локтем в бок и рявкнул в ухо: «Пошли отсюда». Вот почему ароматный пряничный запах на площадке приземления просто сводил с ума, как сильно действующий наркотик. Что и говорить, последние несколько недель они были постоянно голодны, словно животные в зоопарке, которых регулярно недокармливают. Алексей, скучавший по домашней и вообще любой сытной пище, теперь запихивал пряники в рот с заметно выросшей сноровкой – команда строиться могла последовать в любое мгновение. Игорь же ел спокойно, откусывая небольшие кусочки. Алексей как бы наедался впрок, на будущее, Игорь всего лишь наслаждался коротким моментом внезапно выпавшего счастья. И действительно, он успел съесть лишь половину, тогда как Алексей проглотил добрых три четверти заготовленной порции. Брать в карманы что-либо сурово запрещалось, это оба прекрасно знали. За пищу в карманах можно было здорово поплатиться, и особенно острым был

страх перед насмешками и унижительными прозвищами. Игорь без сожаления оставил недо-еденное, и мгновение сладкого восторга едой тотчас стало для него историей, приятным и уже забытым моментом. Алексей же бежал к месту построения взвода, на ходу запихивая в рот сухой, не желающий быстро разжевываться, пряник... Но очень скоро понял, что зря...

2

Только после команды ротного «За мной бегом – марш!» Алексей сообразил, что выездной буфет на площадке приземления был чистой воды подставой. А ведь старшина Мазуренко предупреждал их! «Э-э, школьнички-бубенчики, не набивайте желудки, назад бежать будем», – бросил он куркам со своей извечной иронией взрослого мужа, наставляющего младших братьев. Но после того как сложенные парашюты были упакованы в «Урал», тщательно пересчитаны, Лисицкий позволил распустить роту, которая тут же превратилась в полудикое племя голодных туземцев. Предельно острый, напоминающий о доме и умиротворении, кажется, на километр распространяющийся запах свежей выпечки ударил им в головы безумным дурманом задолго до построения, и, получив вольницу, курсанты гурьбой кинулись к специально приехавшему на площадку приземления буфету.

Теперь же ноги, облаченные в еще не разношенные сапоги, мерно и монотонно, как у скачущих рысью лошадей, отстукивали свой, только военным знакомый, такт. Правда, если лошади отбивают легкую дробь, бегущие люди порождали совсем иной звук – грузный, проваливающийся, даже шипящий. «Шух-шух, шух-шух, шух-шух». Пока еще это был неуверенный и не отлаженный звук, более шумный, чем требовалось: слишком много еще производилось лишних движений. Их первый марш. Короткий, километров, может быть, десять или двенадцать, к тому же налегке. Единственным внешним раздражителем было поднявшееся на необозримую высоту солнце; из-за него по вискам и лбам, заливая глаза, текли струи пота. Теперь Алексей знал, что все они только что совершили глупость, причем осознанную. Они даже не наелись, а наглотались до отвала пряников со сметаной, пожирая их, как исхудавшие от голода собаки, с болезненной алчностью и каким-то фатальным наслаждением. Они знали, что этого делать нельзя, и все-таки заглывали пищу. Инстинкт и голод оказались выше разума. И Алексей был уверен, что, повторись все, он опять бы хватал эти пряники и точно так же запихивал бы их в рот, в котором не хватало слюны справиться с предательскими щедротами.

После семи-восьми километров появились первые отстающие. Для верности ротный периодически командовал подразделению идти шагом, требовал от замкомвзводов тщательно проверять людей и их состояние, подтягивать вперед строя тех, кто уже находился на пределе сил. К удивлению Алексея, хотя у всех в их третьем взводе комбинезоны насквозь промокли от пота, явно отстающих не было, как, например, в первом и в четвертом взводах. Он даже злился вынужденным переходам на шаг, потому что сбивался ритм, отчего пот начинал лить быстрее, комок в беспорядочно набитом желудке превращался в камень, а кровь гулками толчками-ударами стучала в виски. И все равно он тайно радовался тому, что подготовлен лучше остальных, что ему гораздо легче, чем большинству курсантов, преодолевать километры по пыли, под солнцем, висящим прямо над головой и уже ставшим грозным врагом непосвященных в таинства борьбы с его жаром.

Все-таки последние километры дались с большим трудом и ему самому. Все, что было съедено на площадке приземления, бурлило и бродило, насмехаясь над человеческой слабостью и глупостью и настойчиво просясь обратно. Причем это горе неожиданно коснулось многих; в их взводе тяжелее всего было Петроченкову, плотному курсанту с лицом, изъеденным оспой и ужасными угрями на лбу. В какой-то момент он резко выбежал из строя на десяток метров и, ухватившись руками за грудь, начал рвать.

– Асанов, Баринов, ко мне, – мгновенно отреагировал замкомвзвода Иринеев. – Давай, давай, – приговаривал он, стуча открытой ладонью по спине курсанта. Затем они скрылись из вида. Алексей взглянул на Игоря, вопрошая взглядом о его состоянии. Лицо товарища было перекошено, высохшая слюна пенным налетом застыла вокруг рта, но признаков капитуляции не было и в помине. Он терпел, как и все, переносил как стихийное бедствие, как обязательную часть необходимых испытаний, которые свалились на голову. Поразительная способность к терпению, казалось, была неотъемлемой частью всего его естества. А вот самому Алексею становилось все хуже: тошнота подбиралась все выше и выше к горлу. В какой-то момент у него потемнело в глазах, земля стала уплывать из-под ног, и Алексей начал терять контроль над своими действиями, которые давно стали машинальными, независимыми от его воли. «Господи, хоть бы не потерять сознание, только бы не потерять сознание, – молился он мысленно, вскидывая взор к чистому бездонному и совершенно прозрачному небу. – Господи, дай мне силы добежать, и я никогда, никогда больше не буду жрать эту дрянь», – мысленно шептал он сам себе, чувствуя, что рвота уже неизбежна, но намереваясь оттянуть ее жуткую, тягучую власть над своим телом и сознанием как можно дольше. И Создатель смиловался, дав ему возможность добежать до учебного центра. К его счастью, ротный почему-то не стал строить взводы для проверки личного состава, Лисицкого вообще нигде не было, зато старшина Мазуренко, у которого даже дыхание не было сбито маршем, и только ровные струйки пота на смуглых скулах да насквозь промокший от пота комбинезон выдавали участие в беге, командовал замкомвзводам распустить людей и в рабочем порядке доложить ему об отставших. Это было последнее, что отчетливо помнил Алексей, дальше шел черный провал под аккомпанемент рвотных судорог где-то в кустах неподалеку от казармы. Очнулся он от голоса Игоря.

– Давай, помогу, – Игорь в этот момент поддерживал Алексея под руку, – пошли к воде.

Алексей взглянул на товарища мутными глазами, заплаканными слезами и потом. Спазмы еще душили его, но, кажется, кризис миновал. Внутри уже ничего не было, кроме болезненной пустоты. Появилось странное ощущение, что его внутренности вывернуты наизнанку, грубо вытряхнуты и затем помещены на отведенное им место. Уходя, он бросил беглый взгляд на траву и ужаснулся: его рвало уже не съеденным, а какой-то серо-желтой слизью с дрянным запахом. И все это время Игорь был рядом, готовый тащить его в медпункт. Алексею стало невыразимо стыдно за себя, но в его сознании отчетливо мелькнула и закрепилась там мысль о том, что человек, находящийся рядом, с изумляющей чуткостью осознает все его замешательства и тревоги, и от этого чувства локтя, военного товарищества он преисполнился к Игорю благодарностью. Медленно, пошатываясь, как хмельные, они поплелись к уличному умывальнику с множеством начищенных дневальным краников, и когда Алексей наклонился, подставляя еще кружащуюся голову под холодный, возвращающий к жизни поток прохладной воды, он понял, что сегодняшней день выигран и прожит не зря. Он победил, и на этот раз не без помощи нового друга. Ощущение полнокровной жизни быстро возвращалось к нему, вот уже он услышал беспечный смех сослуживцев в курилке и шум высоких, с зелеными хвойными макушками сосен, и звук самодельной метлы с терпким запахом свежесрубленных веток, которой немного уныло орудовал у крыльца дневальный. Да, молодость не боится резких бросков и подсечек, хотя самоуверенность нередко подводит ее к бездне. И Алексей знал, что он уже готов к новому выходу на ковер – для очередной схватки за право носить голубой берет и синевелую тельняшку.

Им дали полчаса отдыха, но прошло уже минут сорок, и почему-то никто их не тревожил. Курки, захмелевшие от неожиданного счастья, отлеживались прямо под казармой, упав на землю, многие из них тотчас уснули. Желание спать давно стало вторым, после голода, и все они уже научились забываться через тридцать секунд после появления точки опоры. Комбинезоны же высохли прямо на них, оставив радужные белые разводы от соленого пота. Многие заплатились за малодушное чревоугодие, осознав теперь, что это была настоящая засада,

западня для неискушенных рабов желудка. Петроченкова дотащили за руки Баринов и Асанов, оба – крепкие спортсмены почти под метр девяносто ростом. Тем более Иринеев сам периодически толкал его в спину. Но вот среди отдыхающих пронесся странный слухок: из пятого взвода кто-то отключился и не приходил в сознание: курсанты зашущукались, дремавшие было встрепенулись, новость всех взбудоражила.

Наконец через час с небольшим роту построил старшина. С тем же, свойственным ему, невозмутимо-ироничным выражением лица, ничего не объясняя, он распорядился сдавать комбинезоны, стропорезы и шлемы, но ситуацию так и не прояснил. Когда из строя посыпались вопросы сержантов, лишь тень насмешки и превосходства мелькнула на его суровом, похожем на лик индейца на тропе войны лице. И только на вечернем построении ротный официально объявил, что курсант Полеев из пятого взвода после марша отключился и срочно самолетом отправлен в Рязань, в госпиталь.

– Товарищи курсанты! Вы теперь на своей шкуре ощутили, что попали не в институт благородных девиц. У каждого есть еще целый месяц в запасе. Напоминаю, никто никого не держит – до принятия присяги.

Вечером Игорь, всегда молчаливый и немногословный, заметил:

– Кажется, теперь понятны слова старшекурсников, которые советовали во время абитуры бежать куда подальше. Они все повторяли лозунг курсанта РВДУ: «Поступил – гордись, не поступил – радуйся!»

– Да, сегодня была хорошая встряска, – согласился Алексей, раздумывая о судьбе Полеева.

Только теперь до него, как и до других, дошло, что РВДУ – это серьезно. Все сказки и легенды улетучивались при жестком столкновении с реальностью, в глаза им смотрела теперь жуткая, колючая и немилосердная военная жизнь. Каждый должен был прежде всего выживать, вписываясь в тот пока еще не высокий, но с каждым днем растущий порог, намеченный для коллектива. И уж если чей-то индивидуальный порог оказывался ниже, такой материал выплевывался без сожаления и жалости, как отброс, как несостоявшийся элемент системы, как патрон, давший осечку.

Курсант Полеев больше не появился в роте, мало кто даже успел запомнить его лицо. Пару дней его жизнь висела на волоске, но потом он пришел в себя, состояние его улучшилось. Еще через неделю он получил на руки документы и поехал домой искать себе иного применения. Это была первая потеря бойца на дистанции в четыре года. Как потом рассказывал осведомленный в делах поступления Игорь, папа у Полеева был солидный генерал и крупный штабной военачальник, это-то и позволило пристроить сына в училище в обход многочисленных комиссий. Наверное, генерал жалел об этом...

Марш подкосил многих, причем совершенно иным, неожиданным образом. После него добрых полтора десятка курсантов обнаружили основательно стертые ноги. Кровавые волдыри, быстро расплзающиеся, превращающиеся в темные струпья на пораженной коже с мгновенно образовавшимися чудовищными гнойными выделениями, выводили из строя без разбора. И спортсмены, и отпрыски звездных папаш, и неунывающие бывшие кадеты – все оказались одинаково беззащитны. У действительности, которая без жалости отбрасывала настойчиво рвущихся в мужскую жизнь мальчиков, оказалось колючее лицо. Необходимы были хватка борца и неисчерпаемая изобретательность, чтобы отстоять себя. Все, кто знал армию по пестрым кинолентам и рассказам, приукрашенному лихому вранью, враз столкнулись с новой, абсолютно неведомой и неожиданной силой. Каждый проходящий день ошарашивал новым ударом, причем часто ниже пояса, ловким и резким. Жизнь в комфортных городских условиях, привычка к удобным и легким кроссовкам не предполагали скорой взаимной любви людей и сапог советского происхождения. «Обувь солдата американской морской пехоты через три месяца прини-

мает форму ноги; нога советского десантника через три месяца принимает форму сапога», – нагло улыбаясь, шутили привыкшие к сапогам сержанты.

3

В считанные дни Алексей стал похож на бледную поганку. Истощенный новыми обстоятельствами, высушенный и сгорбленный, подобно бедному страннику пустыни, он хромал в строю до тех пор, пока мог всунуть ногу в сапог. Наконец, когда конечность распухла, как шар, стала водянисто-свинцовой, а на месте потертости образовалась зеленовато-серая дыра с непривычным и отвратительным гнойным запахом, он сдался. И добровольно перешел в презираемый всеми отряд больных, передвигающийся за строем в открытых солдатских тапочках. То была группа поистине отверженных. Одни от них шарахались, как от больных проказой, другие на них шикали, как на бродячих собак. Встречал и провожал их неизменно старшина роты. После каждого посещения столовой Мазуренко с монументально невозмутимым лицом выходил прямо на улицу перед казармой с маленькой дерматиновой упаковкой, которой страшились абсолютно все. Начиналось представление.

– Так, хромые, строиться в одну колонну. Спокойно, бубенчики, я – дипломированный медбрат, так что вылечу всех.

И после таких слов он раскатисто смеялся своим громогласным, демоническим смехом обличителя, отдававшимся тягучим гулом в ушах осужденных на пытки.

Может быть, Мазуренко и в самом деле получал квалификацию фельдшера, но роте своим отрешенным видом и решительными, часто резкими движениями он больше напоминал костолома. «Лечил» он с таким остервенением, что хромающие в сапогах курки четко видели свою перспективу в случае перехода в «тапочную» группу. Мазуренко нисколько не смущался, что впритык к казарме располагался лагерный медпункт и порой на крыльце даже мелькала прехорошенькая сестричка в коротком белоснежном халатике.

Кроме прочего, старшина орудовал инструментами так быстро и так неотвратно, что в роте были случаи потери сознания от болевого шока. Он без предупреждения вскрывал любые нарывы, заливал кровавые раны йодом и лишь изредка пользовался какой-то вонючей мазью, запихивая ее ватными тампонами прямо в раны с таким наивным простодушием, как будто смазывал узлы боевой машины. Он никогда не бинтовал раны, приговаривая, что на свежем воздухе они быстрее затянутся. Его полевое искусство, к удивлению многих, оказалось действенным: только два или три человека, у которых заражение победило желание стать в строй, очутились в конце концов на больничных койках в санчасти. Остальные выздоравливали с такой феноменальной стремительностью, что это могло оправдывать медвежью терапию Мазуренко, приправленную грубыми шутками и плутовскими подковырками. Порой создавалось впечатление, что эти тиранические экзекуции приносили старшине какое-то особое удовлетворение, едва уловимое для остальных наслаждение, но не чужой болью, а чем-то иным, пока непостижимым. Сначала Алексей полагал, что это следствие невообразимой, абсолютной власти над ними. Но нет! Мазуренко был сильной, самодостаточной личностью, пусть и недалекой, но и без того властвующий над ними всеми и вследствие легитимного старшинства, и по праву грубой, ничем не сдерживаемой мужской силы, и даже просто в силу возраста. Тогда в чем же дело, недоумевал Алексей?

Обычно курсанты корчились, но молча переносили процедуры, каждая из которых длилась от сорока секунд до минуты. Один раз Алексей увидел, как Мазуренко виртуозным движением медицинских ножниц вскрыл нарыв на пятке впереди стоящего курсанта. Гной брызнул, как пивная пена, и Алексею стало дурно. Сначала курсант молча переносил боль, впившись пальцами обеих рук в свое бедро. Но доморощенному медику этого явно было мало, и он с силой сдавил воспаленное место вокруг раны медицинскими щипцами: из только что вскры-

того места хлынула слизкая зеленоватая лава, а парень негодуяще зарычал на старшину, очевидно не выдержав нестерпимую боль. До этого орудовавший с самодовольной улыбкой Мазуренко вдруг встал и взглядом коршуна, собирающегося выклевывать глаза, впился в курсанта. Алексею, видевшему этот взгляд, стало жутко.

– Ты что-то вякнул?! – пробасил он в ухо курсанту и вдруг могучей клешней вцепился курсанту в глотку так, что пальцы вонзились под челюсти. Курсант дрожал всем телом и молчал... – Сынок, ты тут скулишь от ранки, а ты видел станок от автоматического гранатомета, вбитый в грудину умирающего солдата?! – Тут Мазуренко сделал паузу, словно заглядывая в самое нутро молодого человека. В его огнем горящем взгляде было столько силищи и превосходства, что, казалось, он мог бы просто руками разорвать надвое этого курсанта. – А я видел. И вытаскивал его из тела, понял?! А ты думаешь, закончишь училище – и к папе в штаб?!

Старшина говорил тихо, с металлическим звуком выпуская слова в мир. Он близко, к своим глазам, притянул лицо курсанта и слегка наклонил его, потому что парень был выше ростом на добрый десяток сантиметров. А затем слегка оттолкнул.

– А теперь пшел, вали отсюда. Разрешаю в санчасть сходить.

Но курок поплелся к месту, где обычно строилась группа больных, он так и не воспользовался возможностью посетить санчасть, а еще через три дня, когда спала опухоль, натянул сапоги. Наверное, что-то стимулирующее и жизнестойкое было в разрушительных порывах Мазуренко. Он балансировал на грани перехода в звериную плоскость, которая, кажется, была ближе его буйной натуре; он ненавидел, взрывался от самого вида человеческого несовершенства, болезненности или мягкотелости. Алексей в какой-то момент осознал, что этот железный солдат в универсальном панцире из собственных мышц, уже хлебнув настоящей войны, очень серьезно готовился к ее продолжению, потому и не допускал в предвоенное пространство симптомы человеческого: сострадание, милосердие или просто жалость. Война была его стихией, и он хотел, чтобы те, кто всей душой и со всей силой страсти не жаждет войны так, как он, ушли, отсыпались, исчезли. Пусть останутся только те, кто объят огнем вечного сражения, кто не видит себя иначе чем в бою. И в своем внезапно возникающем бешенстве, в волнах необъяснимой, изумляющей свирепости и непримиримости к малейшему проявлению слабости Шура Мазуренко был особенно страшен. И невооруженным взглядом легко было увидеть, как вирус стремления к уничтожению бушевал, клокотал, развивался внутри него. И еще страшнее было то, что он распространял инфекцию даже не будущей войны, а запаха бойни вокруг себя, как будто кормил всех окружающих сырым мясом, порождая запах крови и возвращения к животному состоянию всеобщей враждебности.

Когда Алексей подошел к старшине, взрыв агрессии у того уже улетучился, как будто несколько секунд назад и не было звериного рыка. Он, похоже, обладал феноменальной способностью доводить себя до состояния ярости за считанные мгновения, как в былые времена опытный шофер раскручивал мотор заглохшей машины несколькими резкими движениями специальной ручки. Но, выпустив из себя пар, становился еще спокойнее, чем до приступа.

– Хохол? – с несвойственной ему приветливостью спросил Мазуренко.

– Ну да, с Украины я, – уклончиво ответил Алексей.

– А чего несмело так? Раз хохол, так и скажи с гордостью: «Хохол». Ногу на носок ставь, чтобы пятку хорошо видно было, – приказал он, взяв ужасающего вида шипцы. Алексею представилось, что его сейчас будут пытаться, и он отвернулся, до треска сжал челюсти, чтобы встретить эту боль.

– Сейчас больно будет, – мимоходом обронил старшина, обильно смазывая опухшее место зеленкой, – когда больно, ты что делаешь, чтобы терпеть?

Алексею показалось, что Мазуренко просто издевается над ним. Живодер-зубоскал, изучающий повадки подопытных людей, которым с любезным видом отрывает куски живого тела. В ответ он только пожал плечами и уже сцепил зубы, чтобы не вырвался предательский звук

слабости. Но старшина почему-то не приступал к своей шаманской процедуре и смотрел на Алексея снизу вверх.

– Песню надо петь или стихи читать, – сказал он вдруг совершенно серьезно. – Ну, хоть вот так:

Я на гору круту, крем'яную,
Буду камінь важкий підіймать
І, несучи вагу ту страшную,
Буду пісню веселу співать.

Алексей остолбенел от косноязычной, непривычно звучащей старшинской лирики. Мазуренко же заговорщицки подмигнул и, предупредив коротким «терпи», впился щипцами в опухшее место. У Алексея потемнело в глазах от боли, он увидел, как из маленького отверстия ранки сочится кроваво-гнойная сукровица. Старшина же, сосредоточенно глядя на ногу, безжалостно давил до тех пор, пока не пошла чистая, без всякой примеси, гранатового цвета, кровь. Алексей только чудом не закричал и очнулся лишь тогда, когда старшина не без иронии проронил: «Все, будешь жить, боец. Следующий!» И Алексей поковылял куда-то в сторону курилки, отчаянно моргая глазами, боясь только одного, чтобы от нестерпимой боли не выступили слезы. В голове же у него почему-то отдавались строки Леси Украинки в комично-трагическом исполнении старшины-инквизитора, прошедшего через кровавую грязь афганской войны и не забывшего звуки родной земли.

И все-таки Алексей был в это время удручен и бесконечно подавлен. Он недоумевал, как такое простое дело, такая мелочь, как наворачивание портянки, внезапно перевернуло его жизнь, сделало немощным. Его, всегда сильного, считавшего себя лучшим, лидером и победителем... Терпеть физическую боль было тяжело, но еще тяжелее было чувствовать себя выбитым из строя, не таким, как все, а физическим изгоем. В его собственном представлении это было уродство, инвалидность. Когда он шагал в тапочках, жалея свою разодранную ногу, ему мерещилось, что все вокруг смеются над ним, что всем давно опостылела его болячка, отягочающая жизнь взвода. От этого он стал дичиться окружающих, нырнул в глубины собственного «Я», еще с большим пристрастием анализируя себя и содрогаясь от отвращения к нелепой пародии на война, которой он теперь стал.

В один из таких моментов к нему подошел Игорь.

– Закурим? – спросил он, улыбаясь своей немного кроткой и открытой улыбкой, тотчас располагающей к себе.

– Не-ет, я завязал, – решительно замотал головой Алексей, – я завязал.

– Да ладно. По одной – для настроения. И потом все. Я тоже с этой пачкой буду бросать, просто удалось в магазин сбегать, – объяснил он, и от его бесхитростности, невозмутимой открытости и простоты Алексею стало легче, в душе стал рассеиваться мрак. И его осенило: сейчас необходимо забыть все, что раньше служило нектаром для души, нужно огрубеть, сузить круг своих потребностей и желаний. Вот Игорь, простой сельский парень, с каким он на гражданке вряд ли стал бы дружить... ведь разве с таким неуклюжим парнем пойдешь на дискотеку или обсудишь с ним только что прочитанную книгу? Но сейчас как раз и нужна спасительная узость кругозора, умение смотреть только перед собой, не заглядывая в завтра и тем более в послезавтра.

– Ты чего хмурый такой? Как в сказке про Иванушку.

– Да так, – отмахнулся Алексей. Все-таки ему безумно хотелось выговориться, с кем-нибудь поделиться своими сомнениями. Ведь дальше так жить невозможно, когда нет согласия между тем, что ощущаешь внутри, и тем, что происходит снаружи.

– Из-за тапочек переживаешь? – понимающе кивнул земляк. – А зря. Через это почти все проходят. Посмотри, в тапочках оказались те, кто в городе жил и сапог в глаза не видел. Ноги скоро привыкнут, если думать о другом.

– О чем же?

– О том, что скоро присяга и все мы станем стопроцентными курками. Нам тельники дадут и береты! Ради этого стоит терпеть. А потом еще каких-то пять месяцев – и отпуск. Домой приедешь в тельнике, настоящий десантник! У меня от одной мысли дух захватывает.

«Все так просто, – подумал Алексей. – Может, и в самом деле все так просто?»

– Понимаешь, я не из-за этих мозолей чертовых! Я вообще... Я всегда знал, чего хочу, и гордился этим знанием. Я всегда достигал того, чего хочу. А сейчас какой-то сбой программы. Я так в училище поступил: захотел – и поступил! А сейчас у меня уверенность выкипает, как вода в кастрюле. Уверенность, что я хочу подчиняться кому-нибудь всю жизнь.

«О чем это я, – подумал Алексей, – ведь не поймет. Еще, чего доброго, подумает, что я раскис, слюни распустил».

Но реакция Игоря оказалась неожиданной.

– Ну ты дурак! Это подчинение – для того, чтобы понять, как командовать. Не научишься подчиняться, никогда не сможешь командовать. Меня так отец учил, а он-то в этом деле собаку съел.

– Рота, строиться на вечернюю поверку, – возвестил дневальный о конце разговора и о скором окончании еще одного дня, такого же тяжелого, крестьянского или, хуже, бурлацкого дня, в течение которого они тянули службу, как груженую баржу по Волге. Сколько еще таких дней впереди? Непредсказуемых, неизвестных, напряженных? Но Алексею после слов Игоря стало легче, уверенность вернулась к нему, потому что появилось простое объяснение происходящему. Реальность приведет к лучшему, лучезарному будущему, и ради этого можно и нужно терпеть. «Тянуть ляжку», – приказал он себе, со злостью глядя на ногу.

В тот же вечер, когда они расправляли портянки на табуретных планках – все в черных пятнах от стирающейся внутренней полости новых сапог, Алексей с изумлением заметил на портянках товарища еще и пятна крови. Почти такие же, как у него, – темно-красные, деревянные после высыхания за ночь до неприятной, впивающейся в кожу бурой корки. В казарме быстро распространился едкий и кислый запах новых сапог и ношенных потных портянок, к которому все быстро привыкли и даже не удивлялись, не морщились, как первые дни. А когда они мыли ноги перед отбоем, Алексей случайно оказался в очереди за Игорем. И опять удивился. Он заметил, что на обеих ногах у его товарища большие незаживающие раны, но Игорь, в отличие от него, бережно омывающего свои разорванные мозоли до тех пор, пока сзади не начинали шипеть стоящие в очереди, управлялся быстро и без нежностей к себе. Шлепая по деревянному скрипучему полу утлой казармы, которая, наверное, знала еще небритых, покрытых пылью Гражданской войны красноармейцев в буденновках, Алексей четко приказал себе: «Изменить отношение к себе! Искоренить жалость к себе! Уничтожить стремление к радостям! Забыть о существовании еще чего бы то ни было, помимо этого простого и грубого мира!»

«Я выиграю армреслинг с судьбой, обязательно выиграю! Я всегда выигрывал, значит, выиграю и сейчас», – повторил он себе, мгновенно засыпая, как только голова коснулась жесткой солдатской подушки.

Глава четвертая

(Учебный центр Сельцы, 55 км от Рязани, сентябрь 1985 года)

1

Курс молодого бойца подходил к концу, и почти каждый обитатель военного лагеря в Сельцах сделал для себя очень четкие выводы в отношении своего будущего. Алексей чувствовал, что два с половиной месяца КМБ заметно изменили его, сделали взрослее на два с половиной года. Он стал сдержанным, терпеливым, сосредоточенным. Теперь из него выплескивалось меньше эмоций, зато всегда присутствовал жестокий самоконтроль.

Алексей натянул на себя сапоги через день после того, как увидел изуродованные ноги своего товарища. После каждого одевания он ковылял только первые пять минут, испытывая при каждом шаге нестерпимо острую боль, как будто пятки протыкали острыми спицами. Но потом раны размякали в сапоге, пускали немного сукровицы и, пристав к портянке, создавали мягкую, пропитанную кровью прослойку между ногой и одеревенелым сапогом. И все же при каждой возможности, а таких было шесть-восемь на день, Алексей неизменно стаскивал сапоги, корчась от боли, и затем резким решительным движением отрывал портянку вместе с запекшейся кровью. Потом мылил раны и долго отмывал их под холодной проточной водой. Он больше всего боялся заражения, потому что тогда ноги опухнут и ему придется опять натянуть тапочки, выпасть из строя, стать некондиционным патроном, не попавшим в обойму. Хуже этого не могло быть, и чтобы такого не случилось, он готов был бороться, зубами цепляться за любую, самую малую возможность выиграть. Что означало прежде всего победить самого себя.

За два с половиной месяца в восприятии вчерашних школьников, брошенных в водоворот взрослых отношений, происходила, вероятно, самая крупная в их жизни трансформация сознания. Физическая боль, накопленная невероятная усталость, внезапная грубость и черствость социума, отказ в один момент от всех привычных личных потребностей – все это было ничто по сравнению с непониманием, откровенным подавлением личности. Оно, самое болезненно жгучее и самое гнетущее, порождало ранее неведомые переживания, еще не испытываемый уход в себя, убивающее отчуждение. Как-то, натирая до блеска свою бляху суетливими, судорожными движениями, Алексей вспомнил Ремарка, удрученного тем, что начищенная пуговица в армии важнее, чем «целых четыре тома Шопенгауэра». Только теперь до Артеменко дошел смысл этих слов. И состоял он в очень простом, но ужаснувшем его открытии: голова солдата должна быть занята только примитивными вещами, он должен совсем отказаться думать, мыслить. Потому что, подчиняясь приказу, даже самому абсурдному, солдат не вправе задавать себе никаких вопросов, в нем не должны зародиться сомнения. Когда это убийственное открытие явилось Алексею четко отпечатанным снимком, как на фотовыставке, он чуть не задохнулся от ужаса. Что же делать теперь?! Отказаться мыслить, выбить из себя всякие рассуждения, вытравить уже приобретенные знания?! Он впервые засомневался, туда ли попал, куда так страстно стремился. «А солдатом, – рассуждал Артеменко, – придется прослужить всего несколько месяцев. Дальше будет учеба, подготовка к роли офицера...»

Получив от мозгового центра задачу выжить и приспособиться, цепкая, жизнестойкая молодость стала быстро искать новые лазейки. В союзе с кем-нибудь это было легче, чем в одиночку. И потому интуитивно и Алексей, и Игорь с радостью и надеждой шли на сближение, делясь порой такими мыслями, которые и высказать вслух в теплично-домашних условиях было бы немислимо. Они оказались поразительно несхожи, два совершенно разных характера, два отдаленных друг от друга темперамента, взращенных на разных полюсах. Они были так же антагонистичны, как две мышцы – сгибатели и разгибатели, тесное взаимодействие кото-

рых позволяет привести сустав в требуемое положение, в котором и удерживает его. Близкой и неизменно общей для обоих оставалась только родина. Воспоминания о ней, вернее, личные впечатления и переживания каждого, пропущенные сквозь один и тот же оконный про свет, служили мостиком между двумя сознаниями. Точкой пересечения основательно притупившихся ощущений. Поэтому за два с половиной месяца они узнали друг друга лучше, чем одноклассников за десять лет совместного сидения за одной партой.

– Представляешь, год назад в это время мы как раз в школу пошли, беспечность совершенная, выпускной класс, – вспоминал Алексей во время очередных хозяйственных работ, которые никогда не кончались. Он даже причмокнул от вожделенных воспоминаний и закатил глаза перед тем, как вытащить на поверхность лопату с черно-желтым от песка грунтом.

– А я последний год перед училищем у тетки жил. Не ахти, конечно, но все ж лучше, чем в гарнизоне. Там вообще податься некуда, разве что к солдатам... – Игорь говорил как бы машинально, так же как и работал, монотонно, как заведенный, и с неослабевающей энергией.

– Отец военный? – спросил Алексей, кряхтя над своей лопатой.

– Да. Начальник связи дивизии.

– Ого! А... а ты сам в училище пошел, или отец настоял? – осторожно подошел Алексей к щекотливой теме.

– Да знаешь, как-то само собой вышло... Я в школе не блистал. Куда мне еще идти, в село работать или на фабрику? Однажды отец меня взял с собой на учения, мне понравилось.

Игорь, судя по всему, не ощущал деликатности вопроса. Последние слова он сказал, щурясь на слепящее солнце. Он и впрямь казался добродушным крестьянином, по-детски неискушенным.

– А что именно? – поинтересовался Алексей.

– Ну, дело зимой было... Везде холодина ужасная, помню, ветер такой, что люди ходили согнувшись. А я у него в специальном кунге был. Тепло, как дома. Телевизор, печка. Он, ясно, со всеми в контакте, начальник. Управление войсками, все докладывают, он им какие-то указания дает... Прикольно...

Алексей удивился: странное у этого парня восприятие комфорта, какое-то дикое. «Печка и телевизор». Чуть-чуть лучше, чем в пещере. Понятие совсем не такое, как у него. Он хотел рассказать, как вольно жил перед училищем: своя комната, магнитофон, друзья, танцы, девочки. Нет, ничего этого не стоит рассказывать, не поймет. Он, как инопланетянин. И Алексей спросил:

– А чего тогда в училище связи не подался? Туда ведь и поступить в три раза легче...

– Да я и думал, в общем-то... – ответил Игорь, помедлив и, кажется, сам до конца не понимая, почему в его жизни все произошло именно так, по какому-то невидимой рукой написанному сценарию. На его живом лице проскальзывали фрагменты эмоций – отражение множества разноплановых воспоминаний без определенного отношения к ним. – Отец сейчас как раз в процессе увольнения... А тут, в Рязани, дядя служит, в общем, поступление было обеспечено. А так, если честно, мне было все равно. И сейчас все равно, я бы в училище связи перевелся.

– Ну ты даешь! – изумленно прошипел Алексей, неодобрительно качая головой. Он совсем был сбит с толку. Парни на минуту прекратили копать и разговаривали, совершенно забыв о работе. Траншея была узковата для двоих, и когда один наклонялся, чтобы набрать лопату земли, другой говорил, с тем чтобы уже в следующее мгновение поменяться ролями. – Пусть лучше никто не знает, что для тебя что связь, что ВДВ – все одно.

– Да никто и не знает. – Игорю, похоже, даже в голову не приходило, что это может так задеть. – Но на самом-то деле вся армия одна и та же. А ты как оказался в училище?

– Ну, у меня все по-другому было, – вздохнул Алексей. – Я бы в жизни в армию не пошел, я ее и сейчас на дух не перевариваю. Если бы... – тут Алексей осекся и, немного смутившись, продолжил: – Если бы не существовало на свете Рязанского десантного...

– Так они ж все одинаковые, – проговорил Игорь со своей извечной улыбкой недоумевающего простолюдина, превосходно знающего то, что скрыто от собеседника. В его кривоватой гримасе с округлившимся ртом и щетинистыми толстыми бровями Алексей прочитал удивление по поводу того, что он не понимает таких простых вещей. И хотя Игорь казался в этот момент сущим простаком, с топорными и порой нескладными движениями, абсолютная, неколебимая и даже грозная уверенность в своей правоте преображала его до неузнаваемости, вызывая симпатию слушателя.

– Не может такого быть! – в сердцах воскликнул Алексей. Он не желал верить в сходство именитой школы с иными. Только Рязанское десантное в его понимании было окружено таинственным ореолом славы, только в отношении этого училища действовала магия легенды и непостижимости. И потому слова Игоря казались ему еретическим бредом.

– Так увидишь, – пророчески изрек Игорь. – А как ты попал в десантное?

Алексей при этом вопросе опять глубоко и печально вздохнул, воспоминания нахлынули на него приятным возбуждающим потоком. И теперь он знал, что все уже невозвратно ушло, улетучилось, как газ после химического опыта в школе. И ему было жаль, до щемящей тоски больно за осознанную потерю былых радостей...

– Жил я, короче, не зная горя. И учился хорошо и, главное, без напряжения. Немного спортом занимался, на выдающиеся достижения не тянуло, но для ощущения полноценности хватало. И вниманием девочек обделен не был. Была, правда, одна проблема: я не знал, куда податься после школы, цели четкой не было. – Тут Алексей приостановился и задумчиво оперся подбородком на тыльную сторону ладони, покрывающую треугольную рукоятку лопаты. Если бы он мог взглянуть на себя в это мгновение, то увидел бы, как его лицо засветилось трогательно мечтательным выражением, словно у младенца, который знает, что им любят. Игорь перестал вынимать грунт из траншеи, но продолжал спокойно обрезать лопатой ее неровно обрубленные края. – Был у меня товарищ один, на год старше, мы с ним часто по утрам в спортивном городке занимались. И вот однажды встречаю его, разговорились. И он говорит мне: «Леша, я вот только что приехал из Рязани, не поступил в военное училище». Я ему отвечаю: «Олег, не может такого быть, ты ж школу «отлично» тянул, почти что на медаль, да и со спортом дружишь». И он рассказал мне приблизительно вот что. Существует в нашей стране засекреченное военное училище, в которое обычный человек, даже хорошо подготовленный, поступить просто так не может. Только избранные, единицы со всего Союза. Там готовят супергероев, полнейших экстремалов, которых бросают на выживание в любой точке мира. Училище – единственное в мире, существует только один аналог – в Соединенных Штатах центр подготовки морской пехоты... Уж забыл, как называется. Ну и меня насквозь прошибло, как от нашатыря. Заклинило – и все тут! Я стал как одержимый, впал в какое-то бешеное беспокойство, как будто мне укол сделали. Ведь только год оставался. Я бросил все, вернее, все подчинил поступлению. Девчонок отставил в сторону, про отдых забыл. Спорт заменил самостоятельной подготовкой. Математику и физику начал сам учить, мать думала, что я заболел. Друзья были уверены: свихнулся парень. Я ж до областной комиссии в военкомате все в тайне держал...

Алексей сглотнул слюну и посмотрел на уже клонящееся к закату солнце, которое, когда они начинали работать, казалось, навсегда взгромоздилось на высшую точку своей привычной траектории. Игорь остановился, замер, и Алексей заметил, что глаза у него загорелись от увлеченности незамысловатым сбивчивым рассказом. В голове у Алексея метнулась шальная мысль о том, что этот парень, который, верно, будет ему надолго товарищем, совсем еще не знаком с азартом, со всеохватывающим чувством борьбы, состязания за какую-нибудь, пусть

даже самую сумасбродную, цель. Неужели у него не было ничего подобного в жизни? Если так, то насколько тяжелым, скудным и одноцветным было его существование!

– И вот еще что... Мне военком как-то сказал: «Юноша, не томи меня лишней работой, туда все равно не поступишь. Давай тебя отправим в Ленинградское топографическое, станешь офицером-интеллигентом, как человек жить будешь». Я тогда вообще озверел. И когда сюда приехал на экзамены, любую теорему мог тремя способами доказать. Когда подтянулся тридцать раз на перекладине, сразу на заметку попал. Трешку пробежал, правда, третьим. Два брата-сибиряка, близнецы Абакумовы первыми были. Зато остальные метров на сто отстали. Это при том, что большая часть потока на «отлично» пробежала. Я четыре экзамена из пяти сдал на «отлично», чисто и без задоринки, и только по сочинению получил «тройку».

– Але, а че мы там стали?! Или на ужин не хотим идти?! – послышался прервавший его грозный окрик сержанта, превращавшегося во время работ в старательного тюремного надзирателя.

– Эх, – вздохнули оба, взявшись за лопаты с удвоенной энергией.

2

В другой раз, когда затяжной и уже далеко не теплый дождь нещадно хлестал по обитателям лагеря в Сельцах, сам собою продолжился разговор Алексея и Игоря. Перед курсантами третьего взвода, на плечи которых были наброшены тонкие брезентовые плащ-палатки, невозмутимый Лисицкий, похожий на парящий над строем оживший призрак в длинном прорезиненном плаще, с гордой презрительной усмешкой поставил странную задачу: собирать мусор и палочки длиннее полметра в лагерной лесополосе.

Курсанты уныло кружили по одному и тому же маршруту в течение добрых двух часов, после чего, промокшие до мозга костей, стали похожи на подбитых замороженных птиц. Их сгорбленные фигуры, которые случайный путник мог бы принять за тени, уныло мелькали то у одного, то у другого пригорка. И хотя сходиться вместе им строго-настрога запретили, они то и дело на несколько секунд сбивались в пары и тройки, чтобы, перекинувшись несколькими словами, тут же, опасливо оглядываясь, разойтись в разные стороны. Каждый из них интуитивно понимал, что при любых обстоятельствах необходимо непрерывно двигаться, и в этом броуновском движении мокрых частиц было что-то загадочное и зловещее, как киножурнал к сказке про кощеево царство.

– Знаешь, как это явление в армии называется? – спросил Игорь, незаметно приблизившись. Из-под напрочь промокшей накидки на Алексея смотрели его лукавые, ничуть не угасшие глаза и выглядывал кончик облупившегося, как картофелина, носа. Алексей не ответил, ему было невыносимо грустно. Нет, не тяжело. Неприятно, больно, унижительно. Теперь все казалось бездарным и безрадостным. Его раздирала невыразимая обида за теряемое время, за угасающие силы; ведь за те полтора часа, что они бесцельно мокнут под монотонным водяным решетом, можно было бы столько сделать!

– Долбо... – почему-то радостно возвестил Игорь, во второй части произнесенного слова следовало часто повторяющееся в военной среде крепкое существительное. – Да ты не расстраивайся, он в армии везде, без него и вовсе не было бы Советской армии.

И он пошел прочь, наклоняясь и собирая то, что, вероятно, и сам не мог бы никак идентифицировать. Алексей слышал, как он мурлыкает себе под нос какую-то мелодию. Станный все-таки этот Игорь человек, странный и непонятный. Такой простой, а расшифровать его не получается. Но все же на душе у Алексея стало немного легче, он стал наблюдать за тем, как тяжелые капли падают с сосновых иголок, и это чудилось ему забавной, хотя и бессмысленной игрой.

Мусора в лесопосадке не было, они его давно уж выгребли со всех уголков; остались сучья, кое-где валяющиеся куски прогнившей коры, обломанная кем-то хвойная ветка... Как странно, что все они тут собрались... И как чудно, что все они спокойно терпят эти глупости. И он среди этой группы чудаков... Алексей видел себя как со стороны: основательно поглупевший, сбитый с толку вечной усталостью и непрерывным нервным напряжением, чокнутый, почти больной человек.

Тут к Алексею с другой стороны подплыл Петр Горобец, еще один земляк, правда, не из Черкасской области, а из Кировограда. Щекастый, как хомячок, с беспокойно бегающими глазами и острым, почти всегда облупленным на кончике носом, он только что вернулся из санчасти, где половину всего курса молодого бойца провалялся с опухшей и загнившей от потертости ногой. Алексей, несмотря на землячество, немного недолюбливал его, да и вообще не мог понять, как такой неспортивный, на коротких ножках, с отвислым мягким животиком и явно лишенный мужественности, да и интеллектом не блещущий тип мог попасть в десантное училище. «Никак папа ретивый генерал», – думал про него Алексей, пока Игорь, сведущий в закулисных вопросах поступления в училище, не прояснил ситуацию. Оказалось, у этого парня отец-милиционер много лет тому назад погиб при исполнении... Этот-то прискорбный факт и открывал ему двери в любое военное училище страны. Только зачем он десантное выбрал?! Алексей смягчился в отношении Петра, но откровенничать, как с Игорем, с ним не спешил, что-то чуждое своей природе смущало Алексея всякий раз, когда они затевали разговор.

– Курнем, земляче? – издали прохрипел Петр, высовывая острый покрасневший кончик носа из-под ставшей колом и потяжелевшей от дождя брезентовой накидки.

– Да куда там, я бросил. А потом, дым ротный увидит, пойдешь очко драить, – отмахнулся Алексей.

– Э-э, – протянул Петр, – да ты, брат, видать не до конца хохол, если так говоришь. Дывьсь! – С этими словами он зажег половинку сигареты, ловко нагнувшись, несколькими короткими быстрыми затяжками раскурил ее и так бережно упрятал в полураскрытый кулак, что, действительно, даже в двух метрах от него невозможно было разглядеть в нем курящего.

Алексея немного покорило от украинского «дывьсь», но он знал, что эта откровенность предназначалась лично ему как украинцу и выглядела интимно-свойским жестом, возможным лишь в узком кругу и никогда не употребляемым при остальных сослуживцах.

– Эх, – мечтательно поднял Петр глаза к затянутому небу, – щас бы горячего борщичку, да с петушком, да с самогонкой, пусть хотя б грамм сто-сто пятьдесят. Да голубцов наших, украинских...

Он так страстно шептал эти слова, как молитву или заклинание, что Алексей мимо воли увидел идиллическую картину обильной сельской трапезы и мрачно сглотнул голодную слюну. И потом, махнув рукой, поплелся прочь. «Вот пройдоха, – подумал Алексей, – этот, кажется, нигде не пропадет. Однако поразительно, почему только я зол на ситуацию, а остальные переносят ее как нечто обыденное, обязательные временные неудобства, которые и не напрягают особо, и не удивляют? Может быть, просто дело во мне самом? В том, что я не желаю мириться, когда меня держат за идиота? Но почему они ничего не замечают? А может, замечают, но просто не желают концентрировать на этом внимание». Он же с болезненной остротой ощущал тонкую грань, после которой подготовка бойца превращается в фарс и наваждение, не поддающееся логике моральное истязание, с которым он не желал мириться.

Прошло еще около получаса, и они опять сошлись с Игорем за бугорком, каких было много и за которыми то здесь то там формировались небольшие группы насквозь вымокших молодых людей, скрывающихся от командира.

– Не знаю, как это называется, но это очень тупо. А я всегда себя чувствую неуютно, когда делаю что-то ужасно глупое, дебильное, чего я абсолютно не понимаю. Мне обидно, что меня за овцу держат. Это ж надо: в лесу собирать палки! Или у них фантазии вообще нет?! Или,

может, это тоже очередная проверка?! – Алексей говорил зло и запальчиво, даже не понимая, против кого у него поднялась волна протеста, негодования и ярости.

– Ну-ну-ну... – Игорь невозмутимо улыбался, как будто ему доставляет удовольствие мокнуть, и Алексей был уверен, что показным равнодушием он себя самого успокаивает, заговаривает. – Бывает, чем тупее, тем и лучше. А потом, ты что, не знаешь: «Солдат без работы – предпосылка ЧП, чрезвычайного происшествия»?

– Ну мы ж не солдаты...

– Сейчас солдаты, – убежденно заметил Игорь. – Когда я сюда ехал, мне отец сказал замечательную фразу, я ее только сейчас понимаю. Сынок, говорит, чтобы научиться хорошо командовать, надо научиться хорошо подчиняться. Первое, чему вас будут в училище учить, – подчиняться. – После этих слов лицо Игоря сосредоточилось, мускулы его напряглись, обнажив волевые складки, и с необычайной серьезностью он произнес: – И самое главное. Отец не раз твердил мне перед отъездом, что все испытания военного времени равны друг перед другом и мы не в состоянии различить, что важнее: точно стрелять или просидеть много часов не шелохнувшись в засаде. Или не уснуть в карауле. А отец все-таки много послужил, я ему верю. Может, и это одно из запланированных военных испытаний, о которых нам сейчас просто ничего неизвестно...

«Интересно говорит, – подумал Алексей, – ведь если так, совсем другое дело выходит, и глупость полную можно обернуть великим благом. Главное – упаковать в четкую и простую логику». Вспомнил собственного отца. Что бы он сказал в этом случае?

– У меня все не так было, – вздохнул Алексей, – отец мне ничего не говорил, он умер, когда мне было десять лет, так что я его мало помню. Он хоть и офицером был, но всегда в гражданке ходил. Всю жизнь боролся с какими-то религиозными сектами, экстремистскими течениями. Но, по сути, как потом мне мать объясняла, его задачей было противостоять зомбированию простых людей. Я запомнил только, что он мне как-то сказал, что я никогда не должен доверять тем, кто мне что-либо навязывает. И что я всегда должен подумать сам, стоящее ли это дело. Проверить и потом самостоятельно принять решение. А когда я ехал сюда, то хотел только одного: поступить. Помню, мать мне так долго и пристально смотрела в глаза, а потом сказала: «Не волнуйся, сынок, ты поступишь. И до полковника дослужишься, я это чувствую». И знаешь, я, кажется, благодаря этой фразе и поступил, она мне светила, как путеводный маяк. Но думал, что поступление – это какой-то финиш. А это только старт для новой, еще более сложной дистанции...

– Отчего он умер? – тихо спросил Игорь. Он словно чувствовал, что любые воспоминания сейчас будут как целительный нектар, помогут отодвинуть несуразность реалий и заменить их значимым, пусть и тяжелым прошлым. И он не ошибся.

– Никто толком не мог ответить на этот вопрос. Был абсолютно здоровый и счастливый человек. Потом, трах-бах, заболел и через месяц умер. Мать и сейчас уверена, что не обошлось без участия этих людей, которых он прессовал. По работе, я имею в виду... Какой-то наговор или энергетическое воздействие, в общем, есть у них свои способы... Когда он умер, я даже не плакал, – не понимал, что произошло. И мать не плакала, была какая-то отрешенная, подавленная и отсутствующая, словно ее тело тут, а всего остального нет. Я ее никогда такой не видел. А отец лежал в гробу спокойный, умиротворенный, никуда не спешащий. Как будто обрел покой, к которому стремился. Только очень-очень бледный, белый, как выкрашенный подоконник. И щеки у него провалились, но он все равно не выглядел усталым, как в жизни. А вокруг тишина, от которой можно впасть в безумство, очуметь. Какие-то незнакомые люди в строгих костюмах, и все перемещаются так, вроде скользят, как тени. И все шепчутся-шепчутся. И только когда его в могилу опускать стали, я смекнул, что больше никогда его не увижу. И мне стало страшно, жутко и одиноко, мне чудилось, что я остался один на всем свете, и я

тогда закричал. Так, что сам испугался, было ощущение, что не я ору, а кто-то другой кричит мне на ухо... Не могу вспоминать без содрогания...

Алексей перевел дух, выставил ладонь под быстро падающие капли дождя, молча обвел глазами кроны теснящихся и борющихся за пространство сосен. Игорь не торопил товарища, его лицо в эти мгновения было каменным и напряженно-сосредоточенным, создавалось впечатление, что он тоже погружен в собственные мысли. Иногда в жизни человека случаются эпизоды, когда он наверняка знает, интуитивно чувствует их судьбоносное значение. Они оба были теперь уверены, что слова соболезнования тут неуместны и непригодны, потому что разговор этот посвящен не столько скорбному прошлому, сколько будущему, выбору, формированию собственной стратегии, которая определит всю дальнейшую судьбу.

– Но самое главное, что у меня осталось от отца, это очень острое, чуткое восприятие любого посягательства на мой мир, мои взгляды и ценности.

– Да, тебе, наверное, тут будет нелегко. Но человек способен... – Игорь, по всей видимости, собирался что-то объяснить, но его прервала протяжная, как трубный зов, команда на построение.

Через несколько дней, когда они оба оказались в наряде по кухне, Алексей сам затеял продолжение разговора.

– А с тобой... отец часто играл? – спросил ни с того ни с сего. Но внезапно только на первый взгляд. У них теперь очень часто случалось, что пламя какой-нибудь тревожащей каждого темы гасилось условиями военной жизни, но не затухало совсем, а тлело в сознании каждого, и затем, после переосмысления, снова разгоралось в подходящий момент, поднималось до жаркой, как пионерский костер, дискуссии.

– Отец... – Игорь перестал складывать тарелки в бак мойки и призадумался, опершись об угол мойки, чтобы дать отдых слегка гудящим от долгого стояния ногам. Он старательно шарил неводом в глубинах своей памяти, но не мог припомнить ничего конкретного, никакого красноречивого, яркого свидетельства игры с отцом, которого представлял в своем воображении в виде суровой, неприступной глыбы, как человека с непременно серьезными, рассудительными глазами из-под густых насупленных бровей. От этого он даже немного смешался и растерялся. Артеменко видел, что перед глазами товарища поочередно всплывают различные картины, но он почему-то не может зацепиться ни за одну из них. Игорь помнил, как много раз издали наблюдал за отцом, входящим в открытые ворота военной части или выходящим из них, и как почтительно ему отдавали честь. Видел, детским чутьем осязал громадный, непререкаемый авторитет отца, память отчетливо запечатлела, что к его слову особенно прислушивались во время нечастых застолий. Он, конечно, не понимал досконально значения произносимых в это время речей, но знал, что они всегда звучали как магические послания, обладали точным рельефом и имели героические оттенки, хотя и простые, но проникающие в душу каждого. А вот игр Игорь припомнить не мог, как ни силился.

– Знаешь, – сказал он, выпрямляясь и разворачивая плечи, как бы разминая застывшую в одном положении спину, – я больше всего помню несколько историй детства. Однажды, когда мы только переехали в очередной раз, отцу понадобились ножницы. Он долго не мог найти их и ужасно злился, до красноты лица, просто свирепел, потому что опаздывал на службу. Бегал по квартире, рылся во множестве ящичков, как дикий кабан в урочище. Мы все втроем молчали, притаились, как будто были виноваты. Потом он наконец нашел ножницы, что-то разрезал с их помощью – сейчас уже не помню что – и позвал нас всех в большую, на тот момент совершенно пустую гостиную. Глаза его уже не сверкали гневом, но горели, как два хорошо натертых пятака. Так было всегда, когда он принимал решение. И вот он взял в руки молоток, огромный гвоздь, сотку. Нет, пожалуй, стодвадцатку, и медленно, спокойно, со своей извечной холодной рассудительностью вогнал его в стену до половины. Потом взял ножницы и водрузил их на этот нелепо торчащий в пустой комнате гвоздь. «Отныне ножницы должны

быть тут! Всем ясно?!» – изрек он грозно. Мы закивали головами. И я помню, мы несколько лет жили в той квартире, она была пусть и не роскошно, но не бедно обставлена, а ножницы всегда висели на том самом гвозде, напоминая о незыблемом отцовском решении.

Игорь обвел глазами мойку, как будто хотел удостовериться, что все на месте, и он уже в ином жизненном измерении. Затем он облизнулся и продолжил:

– Таких случаев было немало. Мы с малым – а он у меня на пять лет младше – жили в одной комнате, спали на принесенных из казармы солдатских кроватях. И тумбочки для школьных причиндал у нас были солдатские, точно такие, как сейчас, и так же выкрашенные в серый цвет. Отец их периодически проверял: придет, все наши вещи из них выбросит, как он говорил – накрутит нам хвосты, и... на службу. Мы сидим с братом, плачем. Потом молча собираем вещи и уже очень ровно, красиво раскладываем...

Глядя во все глаза на друга и слушая его незатейливые рассказы о странном полувоенном, диковинном детстве, Алексей понимал, почему Игорь так органично вписался в нынешнюю курсантскую жизнь, насколько логичным продолжением стала она после несчетного числа переездов его семьи, смены школ и мест жительства. Да он всегда жил, как спартанец, потому и нынешний быт его ничуть не тяготит. Ему же совсем мало для жизни надо, невообразимо мало! А вот он, Алексей, скроенный по иному лекалу, совсем другой по своему внутреннему складу. И потому ему так непросто привыкнуть к переменам и недостатку свободы. Но ничего, глядя на Игоря, он привыкнет, он все преодолеет...

3

– Первая рота, ко мне, – послышался надрывный крик одного из замкомвзводов, дублировавших команду ротного, который нарочно – и для воспитания курсантов, и для придания важности своей персоне – командовал вполголоса. Наверное, ни одна, даже самая обученная и преданная собака не реагирует на команду хозяина столь рьяно, как эта юная, всего два месяца тому назад сформированная рота из совершенно разных мальчиков, соскобленных, подобно сливкам, со всей гигантской поверхности советского пространства. И все-таки, когда они, чавкая мокрыми сапогами, подбежали к месту построения, Алексей заметил, насколько изменились за эти два месяца движения большинства его новых товарищей, ставших нервными и уставшими, похожих со стороны на замедленные кадры прокручиваемого фильма. Теперь вместо юной проворности и школьного озорства в движениях курсантов сквозило беспокойство и напряженность. И даже Игорь, который чаще всего оказывался рядом, теперь напоминал доходягу: он осунулся, а из-за всегда наклоненной чуть вперед головы создавалось впечатление, что он сильно сутулится. Но больше всего бросалось в глаза то, что он как-то странно тянул ноги, как будто на них висели пудовые гири. Раньше Алексей думал, что Игорь хромотает из-за мозолей, но эта хромота незаметно преобразилась в тяжелую косолапость, общую нескладность движений. Возможно, это было следствием рано напыленных на юношеские ноги тяжелых сапог, а может быть, результатом постоянного недоедания и непрерывных физических усилий на грани человеческих возможностей. От таких мыслей Алексей содрогнулся: ведь внешний вид Игоря фактически являлся отражением его собственного облика. А ведь он уже несколько недель даже не смотрел на себя в зеркало, кроме тех коротких мгновений, когда надо было выбрать едва пробившиеся одинокие волоски на подбородке. Алексей только теперь осознал, что, ободряя его, Игорь ободрял и себя; ему так легче было бороться с тем неожиданно тяжелым грузом, который мешком взвалили на его не особо тренированные плечи. А еще Алексей понял причины того тяжелого дыхания во время утреннего кросса, которое он слышал у себя за спиной и которое переходило в тягучий отчаянный свист во время последних пятисот метров. И друг молчал! А ведь мог просто намекнуть своему высокопоставленному родственнику и тихо избежать мучительного испытания курса молодого бойца – КМБ, этого

искусственно созданного испытания с набором условностей. Пересидеть где-нибудь, появившись к присяге... Но не стал, и Алексей был уверен, что это его личный выбор, его собственное решение...

– Внимание, батальон! – голос кукольно великолепного комбата, казавшегося из глубин строя блистающим в лучах солнца пророком, звучал слишком торжественно. – Товарищи курсанты! Вы прошли курс молодого бойца и после присяги станете настоящими, стопроцентными курсантами одного из самых славных военных училищ нашей страны.

«Неужели это свершилось?! Неужели теперь голубой берет заменит нелепую пилотку и станет неотделимой частью меня?! Неужели дальше начнется долгожданная учеба и превращение в сверхчеловека?! И есть десантные войска, и нет задач невыполнимых! Это ведь покруче, чем у Ницше с его Заратустрой!» – думал Алексей, с тайным ликованием глядя поверх голов сослуживцев, всматриваясь в бездонное небо еще теплого сентября и мечтая о достижениях, которые на самом деле являлись слишком расплывчатыми, чтобы их можно было воплотить в какую-либо понятную форму.

– Товарищи курсанты! Внимание! Я задаю вам вопрос, который определит будущее, судьбу некоторых из вас, и потому приказываю, прошу отбросить стеснение и послушать голос своего сердца. Сейчас после моей команды пусть из строя выйдут те, кто понял, что ошибся с выбором. Помните, после присяги назад дороги нет! Кто передумает учиться после присяги, пойдет служить в войска – на два года! – Комбат выдержал паузу и скомандовал: – Кто не желает учиться в Рязанском воздушно-десантном училище, выйти из строя на десять шагов!

Алексей стоял не шелохнувшись, лишь краем глаза наблюдая за происходящим. Со всех сторон из строя, как яблоки с дерева, которое с силой хорошо трянули, посыпались мальчики в пилотках. Их взгляды были потуплены в асфальт плаца, им было стыдно, больно и неловко перед теми, с кем они прожили два с половиной месяца, деля маленькое казарменное пространство с узко стоящими двухъярусными кроватями, и с кем ввязались в совершенно непонятное дерби, не понимаемое, не принимаемое сердцем и потому проигранное. Им было не в состоянии! Они стояли теперь, стораая от испепеляющих взглядов товарищей, уже, пожалуй, бывших, и, переминаясь с ноги на ногу, пока назначенный комбатом офицер пересчитывал отказников. Потом подошел к комбату и негромко доложил результат. И у Алексея тоже защемило внутри, был все-таки миг, когда вся его разбитная, ничем не сдерживаемая юность промчалась в одно мгновение перед глазами гигантской, удивительно пестрой кинолентой и затем исчезла. Какая-то сила даже дернула его изнутри, словно вырывая из строя, но тут же была сломлена, сметена другой силой, более могучей, приказывавшей стоять тут, в этом строю. Впереди была черная жизнь, полная трудностей, опасностей, непредсказуемых хождений по лезвию бритвы, по краю пропасти. Впереди маячило только пасмурное апокалиптическое видение. Но он выбрал именно его. И выбрал сам. И никогда у него не хватит слов объяснить так, чтобы поверили, в том случае, если бы он сдался, сломался и прекратил серию немислимых экспериментов с собственным здравым смыслом...

– Та-ак, – комбату не нужно было подавать дополнительную команду, потому что пятнадцать взводов и так застыли, вперившись в него вопрошающими взглядами. – Девяносто пять человек. С курсантом Полеевым из первой роты, выбывшим после марша с площадки приземления, это девяносто шесть. Товарищи курсанты! Еще раз повторяю, в этом нет ничего постыдного, каждый человек должен сам разобраться со своей судьбой. Поэтому еще раз, последний уже, повторяю: кто еще сомневается, что это училище – для него?! – Комбат сделал явный акцент на слове это.

Боковым зрением Алексей заметил, как в первом отделении их взвода один из курсантов задержался, заметался, как зверек, попавший в ловушку, и наконец, не выдержав внутреннего напора эмоций, рванулся к первой линии строя, откуда, несколько раз сменив ногу, несурово и комично спутавшись и затем уже чеканя шаг, вышел из строя. Поразительным было

то, что никто не засмеялся, даже до огрубевших курсантских душ докатилась волна личной драмы, может быть даже трагедии, этого маленького человека, осознавшего свою непригодность, неспособность стоять в этом слишком суровом, отнюдь непростом строю. Как же, это был тот самый Белонеев, который постоянно ничего не успевал на пару с Петроченковым, за что старший сержант Иринеев уже прозвал их братьями-близнецами и постоянно заваливал тяжелой работой. Они вдвоем неизменно числились в черном списке, из которого, как из трясины, выбраться было невероятно трудно. И вот один из них дрогнул и сдался, чтобы навсегда исчезнуть, раствориться в бездонном внешнем мире, границы которого теперь очень остро ощущались каждым в этом очень странном сообществе людей, испытывающих собственные возможности.

После акта самоисключения из училища один из офицеров увел группу отказников готовиться к отъезду, тогда как основательно поредевшие взводы отправили на лагерный стадион. Дело в том, что еще раньше был объявлен праздник, не столько по случаю окончания курса молодого бойца, сколько в честь очередной смены поколений: новоявленные лейтенанты разъехались, и теперь уж новый, только что вступивший в свои права выпускной курс готовил традиционные показательные выступления. В связи с этим в Сельцы, неприступную и неприкасаемую полевую обитель десантников, съехалось много народу. Тут были родственники поступивших и отказавшихся учиться, жены, невесты и просто городские друзья, равнодушные к голубым беретам. И хотя сама местность военных лагерей с причудливыми макетами различных военных объектов на близлежащих тактических полях излучала утлый запах войны, а любой сторонний наблюдатель угадал бы в ней место временного пребывания людей, организаторам удалось на маленьком участке вокруг небольшого стадиона создать декорации беспечного, почти безудержного веселья. Более всех на импровизированном пиру выделялись курсанты четвертого курса, которых можно было узнать за версту по выгоревшей и застиранной добела, а затем заутюженной до безрассудства форме, по смуглым от загара, обветренным, убедительным лицам, с суровым, совершенно взрослым выражением. В их манерах присутствовала отвага – приобретенное, заслуженное и вмонтированное в сознание на долгие годы чувство.

Празднества происходили в зоне отселения, где на время смоделировали насыщенную жизнь, кругом развесили заготовленные для таких случаев флаги, плакаты и воздушные шарики, звучала не замолкая музыка. Повсюду работали передвижные киоски, в воздухе витал нежный, умиленный аромат женского присутствия, что само по себе захватывало дух. Одним словом, небольшой участок всегда сумрачного лагеря преобразился и ожил, как новогодняя елка, на которую набросили сеть из ярких гирлянд и пестрых игрушек.

Приехала родня и к Игорю, и Алексей мельком видел неожиданно скупое на эмоции, даже показавшееся ему бесчувственным общение своего товарища с двумя мужчинами лет сорока пяти-пятидесяти. Один из них, по всей видимости, был отец, а второй – дядя. Они не обнимались, не тискали Игоря за плечи, как часто делали нетерпеливые близкие, живо выказывающие любовь. Степенные и неторопливые, они лишь со значительными выражениями на лицах что-то говорили ему по очереди, он так же сдержанно-понимающе кивал головой. И Алексей уловил напряжение на лице Игоря и даже некоторую демонстративную сухость, связанную, может быть, с опасением, что товарищи по взводу наблюдают за ним и эта встреча с родственниками продемонстрирует его слабость. Наверное, и родственники думали о том же, потому что оба предусмотрительно надели обычные гражданские костюмы, неброские и не выделяющие их из общей массы приехавших. Продвигаясь на трибуну, чтобы занять место на одной из обшарпанных, полуразрушенных деревянных лав, Алексей проходил очень близко от молодых женщин со счастливыми лицами и юных дев, тайно стреляющих миловидными глазками по сторонам. Он почти касался их воздушных одежд, и от смешанных запахов туалетной воды и женских тел, от ласкающего слух звука женского голоса, от которого он совсем

отвык, голова у него пошла кругом, как будто его слишком долго кружили на карусели. «Как же я одичал тут», – подумал он и на миг позавидовал своим друзьям на гражданке, пользовавшимся этими благами, обладавшими несметными сокровищами, о которых, возможно, там, в городской суете даже не подозревали. И в нем опять проснулось ненасытное желание жить, пробудился зов молодости, приглушенный десятью неделями сухих военных будней сублимированного, полуголодного, почти скотского существования.

Наконец началось выступление четвертого курса, того, что только что вступил в выпускной возраст и уже чувствовал себя хозяином училища. Сначала зрителям продемонстрировали инсценировку захвата объекта, при котором десантники в зеленых сеточных масках прыгали с кузова мчащейся по пересеченной местности грузовой машины, а затем дружно нападали на сценический объект, огражденный колючей проволокой. Замысловатые прыжки и удары, изумляющие даже искушенную рязанскую публику, непредсказуемые кувырки, подскоки и самые настоящие акробатические кульбиты наконец завершились беспорядочной стрельбой холостыми патронами. Объект был лихо, с воплями дикого племени и зверским улюлюканьем «захвачен», и, глядя на то, как курсанты широкими, амплитудными движениями, били друг друга без жалости и не чувствуя боли, никто из зрителей не сомневался в исключительности этого, единственно совершенного рода войск.

Затем три десятка курсантов образовали на стадионе большой круг для рукопашного боя. Завороженно всматриваясь в разыгрывающиеся сценки, Алексей еле успевал следить за сенсиационным темпом боя. Восторгала подкупающая растяжка и гуттаперчевость бойцов, которые, как резиновые, изгибались, проваливались, чтобы затем взмыться в воздух в прыжке. Один против двоих, один против четверых, один против двух вооруженных штыками-ножами или саперными лопатками противников – все казалось Алексею дивным, фантастическим. Когда пышущие здоровьем парни в масках войсковых разведчиков начали руками разбивать кирпичи и доски, на трибунах не смолкали возгласы одобрения и рукоплескания. Затем последовали метание лопаток и штыков-ножей, демонстрация совершенного владения нунчаками и боевыми палицами. Несколько трюков, несомненно, свидетельствовали о таланте их исполнителей. Огромный, как медведь, детина, встав над аккуратно выложенной стопкой кирпичей, с диким, неподражаемым криком-выдохом разбил ударом открытой ладони пять кирпичей. «Браво, Малышт!» – слышались крики заведенной и без того воинственной толпы. После него худой стройный парень, пожалуй вполтину меньше Малыша, совершил фантастический прыжок, достойный мастера тэквондо; ударом ноги он, как саблей, разрубил надвое доску, которую руками крепко удерживал рослый курсант, взобравшийся на плечи громадного разбивателя кирпичей. Но самыми захватывающими оказались прыжки через «ежи» – сваренные особым способом металлические уголки, которые в предыдущих войнах использовали в качестве инженерных заграждений против танков. Только двое выпускников демонстрировали умопомрачительные прыжки с сальто через подкидной мостик, бросая в момент полета штыки-ножи в специальный щит, установленный в трех-четыре метрах от «ежа». Им свистели и рукоплескали больше, чем легендарным киногероям из Голливуда.

К концу выступлений Алексей, как и большинство его товарищей, находился в состоянии человека, подвергнутого искусному эмоциональному шантажу. Особый дух ВДВ, отважный и неукротимый, не мог не коснуться его; как дурман, он проникал в него, заполняя все клетки, забивая все поры. Движение бушующей стихии, неумолимая сила урагана смешались в его душе с романтикой приключений, и он теперь был готов к любым подвигам и небывалым свершениям. Готов был, одев голубой берет, идти под любые пули, в любую рукопашную, не задавая никаких вопросов и полагаясь лишь на клич лидера. Из невнятного, смутного порыва внутри него зарождался тот бешеный импульс безрассудства богатырской силы и ничем не сдерживаемого натиска, который все называли вычурным и малопонятным выражением «десантный шовинизм». Алексей в какой-то момент явственно почувствовал освобождение, рожденную в

застенках мрачного, полуголодного обитания последних двух с половиной месяцев неожиданную душевную свободу, перерастающую в неумолимую жажду жизни, которая основательно притупилась в нем с того момента, когда он облачился в военную форму. И эта освобожденная из глубоких недр энергия, вне всякого сомнения, являлась сатанинской силой разрушения, неумолимым вихрем, направляемым, чтобы крушить все, что заблагорассудится, все, что двигается, все, что шевелится. А на самом деле, все, на что укажет перст хозяина, создателя этой силы и ее хранителя. Главное, что требуется, – не раздумывать, а только безжалостно и неукоснительно действовать.

Но прежде чем завершился судьбоносный для многих день, произошло еще одно любопытное событие. Во время короткой вольницы после ужина Алексей с Игорем заметили неподалеку небольшую курсантскую сходку. Как выяснилось, один из выпускников, обитавших в казарме неподалеку, заглянул к новичкам в гости. Он был невысокого роста, но коренаст и плечист, заметно выделяясь на фоне новобранцев выцветшей хлопчатобумажной формой и голубым, лихо сдвинутым набекрень беретом. Алексей, как заколдованный, уставился на берет – неоспоримый атрибут крылатой пехоты, непобедимых детей Василия Маргелова.

– Вот, смотрите, – объяснял курсант, – это моченый дуб, из этого материала делают лыжи для десантирования бронетехники. Будете изучать на ВДП – воздушно-десантной подготовке, увидите.

Тут только Алексей заметил в руках курсанта две хитроумно перетянутые плотной круглой стропой темные конусообразные палочки. Нунчаки, причем исполненные филигранно, с несколькими ребристыми гранями, точно такие, как сегодня вертелись в руках на показательном выступлении! Алексей видел, как горели от возбуждения и желания прикоснуться к оригинальному оружию глаза молодых, неопытных в военном деле парней. А курсант между тем продолжал:

– Это дерево невероятно прочное. Ну, сами представляете, для сбрасывания с самолетов бэмдэшек ерундовый материал использовать не станут. Давайте, покажу. Расступитесь немного.

И с этими словами курсант, взявшись за одну палочку, сделал рукой несколько ловких движений, от которых вторая, связанная с первой стропой, заплясала, как живая, в диком захватывающем танце. Ее правильные, резкие и порой непредсказуемые виражи действовали с гипнотической силой, но курсант, подобно фокуснику, неожиданно прервал танец дикой фурии и неуловимым движением упрятал ее под мышку, а затем застыл. Но только на одно мгновение, которое был едва способен зафиксировать человеческий глаз. Получалось, что один конец остался у него в правой руке, а второй – под рукой, причем держал он замысловатое устройство в натянутом положении. Затем он, резко рванув палочку рукой и одновременно отпустив зажатый конец, заставил свободный, привязанный стропой конец описать короткую стремительную дугу и тупым основанием конуса, как ударом копья, вонзиться в рядом стоящую сосну. Сила этого короткого удара, который показался зрителям непринужденным, была невероятной. Алексею даже померещилось, что гигантское дерево содрогнулось. Так это было или нет, но только в месте прямого удара в толстом панцире из коры осталась ровная, правильная вмятина от страшной игрушки. Как от пули крупного калибра. Курсант же, не давая зрителям опомниться, перебросил палочки через спину и нанес еще один удар, на этот раз из-за плеча, рубящий, как шашка Чапая, боковой удар наотмашь. Этот удар прошелся по коре сбоку и прошел сверху вниз, легко выдрал шмат у могучего дерева. Первокурсники стояли открыв рты, потрясенные открывшейся мощью такого невзрачного на вид оружия.

– Теперь смотрите, – заключил бывалый воин, взяв руками обе палочки и вращая их перед глазами замороженных зрителей, – ни единой царапины, можете убедиться.

– А откуда они, кто их делает? – спросили из толпы.

– Есть умельцы в рязанском полку. Но лыжи для десантирования техники не каждый день списываются, поэтому и нунчаки делают в ограниченном количестве, строго под заказ.

– Так сколько, ты говоришь, хочешь за них?

– Четвертак.

– Да, вещь хорошая, да денег таких нету, – с сожалением сказал Асанов.

– Может, за двадцать сойдет? – спросил кто-то, пытаясь сторговаться.

И вдруг, ни слова не говоря, Игорь вытащил из кармана несколько бумажек и протянул владельцу грандиозного инструмента убийства. Алексей заметил, что глаза его заблестели диким воинственным огнем, а плечи характерно подернулись, как если бы он намеревался размахнуться и хорошенько врезать продавцу замысловатого оружия.

– О, вот это мужское решение, – улынулся тот, даже несколько дивясь быстроте и скупости эмоций при осуществлении сделки. И древесная мощь тут же перекочевала к новому хозяину, после чего дело было освящено крепким рукопожатием.

– Ну, пусть хорошо служат тебе, – сказал старшекурсник Игорю на прощанье. – В смысле, желаю тебе никогда их не применить по прямому назначению.

– Молодец, Дед, открыл оружейный счет, – подбадривали тем временем Игоря белотелые сослуживцы, уже закрепив за ним кличку из переделанной на русский манер фамилии Дидусь. Теперь каждому не терпелось подержать в своих руках таинственное оружие. Успел взять нунчаки и Алексей. Дерево в самом деле было прохладным, увесистым и могучим, в нем ощущалась какая-то скрытая от глаза и понимания, затаенная, жуткая энергия, незаметно, с люциферовой хитростью совращающая взявшего его в руки. Сгусток невероятной силы, подталкивающий к тому, чтобы ею воспользовались. Провокационная тяжесть и прочность палочек подкупали настолько, что Алексею тотчас захотелось быть жестоким и властным, ему представилось, как он виртуозно управляется перевязанными палочками, круша все вокруг, разбивая головы любых врагов. «Вот она, внутренняя установка, которая проявляется во всем», – заключил он про себя, передавая нунчаки следующему желающему и отдавая себе отчет, что он все ближе к тому моменту, когда не следует раздумывать перед ударом, убьет он противника или только изувечит...

Глава пятая

(Рязань, РВДУ, июнь 1986 года)

1

Совершенно прав был знаменитый русский классик, утверждая, что нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности если все окружающие живут так же. Еще четче выразил эту мысль взрывоопасный немецкий философ, заметив, что если человеку есть зачем жить, он может выдержать любое как. Знатоки человеческой породы не ошибались. Но также верно, что, подавляя свою индивидуальность, противясь внутренним психологическим установкам, человек либо вырастает в избранную маску, либо затаится в ожидании момента, когда маску эту можно будет сбросить. Все дело в пороге компромисса. Если человек позволит себе врасти в коллективную маску, принеся на алтарь общей славы свою индивидуальную, самобытную личность, он прикипит к ней, позабыв о собственном «я», и станет в итоге ниже того коллектива, которому безвозвратно отдался. Напротив, если он рискнет восстать или хотя бы затаится до времени, он останется непонятым и будет проклят в своей гордыне, как падший ангел. Но из пепла, из глубин темного бездонного провала он может взмыть в новом, высоком облике, достойном неподдельного уважения и, может быть, даже величия.

Об этом много думал в училище курсант Алексей Артеменко, желая и боясь своего иррационального превращения, таинственной трансформации, чем-то напоминающей старую сказку про конька-горбунка, где кипящий котел неправдоподобно изменяет героя. Только после долгих часов переосмысления в ночных караулах, затяжных нарядах, в оцеплении стрельбищ – везде, где только приходилось оставаться наедине с собою, – Артеменко сполна осознал часто повторяемую старшекурсниками поговорку «Поступил – гордись, не поступил – радуйся». Он действительно гордился своей личной принадлежностью к четырем царственным буквам «РВДУ», внушавшим благоговение целому поколению. В них чувствовалась волшебная магия превосходства, за которой для всего мира начиналась завеса темного и недоступного. На шкале символов мужественности и сугубо мужской отваги они находились где-то вверху, почти над всем, что он знал. В глазах сытой городской молодежи, привыкшей к непрерывному поиску наслаждений и материальных благ, здоровый парень в тельняшке и небесного цвета берете, вне сомнения, стоял над аморфным сообществом обывателей. Но к его собственному удивлению, харизматическая аббревиатура не приблизила его к той заветной мечте, к которой он безотчетно стремился с самого детства. Идея стать сверхчеловеком, принадлежать к отдельной касте, самой лучшей породе, непостижимой для обычных людей с их простыми переживаниями и мелкими тревогами, если не провалилась, то точно не приблизилась.

Существовало множество приятных мелочей, которые усыпляли бдительность его самовосприятия, на несколько мгновений наполняя удовлетворением и даже счастьем. Алексею импонировало, что четыре сложенные вместе буквы выступали такой идеальной визитной карточкой, как если бы она была отлита из золота или являлась по-особому ограненным драгоценным камнем. Ему нравилось, что он стал менее чувствителен к любым изменениям вокруг себя, начиная от погоды и заканчивая собственными психическими реакциями на происходящее (по-прежнему он по юношеской привычке анализировал их и давал собственные оценки). Он научился невозмутимости, уверенно применял силу без всякой бравлады. Незаметно, как и все остальные, он начал отличаться не только от легковесного гражданского населения, но даже от курсантов из других военных училищ. Исчезли простуды и всякая иная городская хандра. Перестали удивлять построения без верхней одежды в двадцатиградусный мороз, когда курсанты грелись на улице лишь благодаря непрерывным отжиманиям на кулаках от обледене-

лого асфальта. Никого не смущало, что в казармах не было душа и после утреннего кросса курсанты в любое время года мылись в умывальнике просто под шлангом, натянув его на носик краника и с фырканьем присев у раковины, чтобы вода текла лучше. Разумеется, холодная; о том, что на свете существует горячая, можно было вспомнить лишь в отпуске. Точно так же не существовало теперь и жары, и они оценили старую шутку, очевидно занесенную еще из неприхотливой и выносливой старой русской армии. О том, что в шинели зимой совсем не холодно, потому как «она ж теплая», а летом вовсе не жарко, «ведь она ж без подкладки». Никого не коробила необходимость стирать свою одежду щеткой и досушивать утюгом и теплом собственного тела. Переход в лагерь (одну неделю каждого месяца жили в Сельцах) уже ко второму году стал настолько привычен, что не вызывал никаких эмоций. И слишком быстро большинству курков стало безразлично, нести ручной гранатомет, или железный ящик радиостанции, или «дьявольское тело», как называли порой внушающий трепет свирепый ствол с казенником от автоматического гранатомета на станке АГС-17. Если первый раз путь в Сельцы из Рязани преодолели только за семнадцать часов, то к четвертому курсу на переход уходило уже не более шести. Оно и понятно: после перехода ведь еще можно успеть в увольнение.

Алексей давно с улыбкой вспоминал первый переход в пятьдесят пять километров, когда на каждом пятиминутном биваке вся рота дружно валилась в ранний, отчего-то кажущийся мягким и приветливым рязанский снег. Уже через минуту, полизав его по-собачьи, чтобы холодная влага осталась на просоленных потом губах, вся рота тут же засыпала. Разумеется, судорожно вцепившись в автоматы, ремни которых либо перекидывались через шею, либо наматывались на руку. Оставить оружие даже на тридцать секунд считалось самым страшным, никогда не прощаемым грехом. Тогда, в первый раз, встав в три тридцать утра, они дошли до лагерей только к десяти вечера, – обнаружив вместо казармы холодные палатки. Пока знатоки печного дела заводили тепло в их временные пристанища, остальные по приказу ротного, как тараканы, которые нажрались отравы, но еще не успели подохнуть, бродили вокруг палаточного лагеря и... наводили порядок. Поскольку ротный отправлял спать повзводно, вокруг стоял дикий мат: сама мысль, что кто-то уляжется спать раньше на десять минут, была нестерпима и ненавистна, вызывала злобное шипение быстро зверевших людей. Алексей хорошо помнил, что самой сокровенной мыслью его было не стать первым назначенным истопником, и действительно, он тогда отключился вполне счастливым. Причем ему совершенно не было стыдно за испытанную тайную радость: их менее удачливый товарищ Сема Маркирьянов, уснув на привале, расслабил руки на автомате и оказался жертвой злой шутки старшины Корицына, в воспитательных целях забравшего оружие. «Что, Маркирьянов, промотал оружие?» – язвительно вопрошали из уже построенной колонны, все чаще заменяя слово «промотал» очень похожим по звучанию и значению грубым ругательством, более фактурным и привычным в их среде. Разумеется, инфантильный увалень Маркирьянов попал в черный список, а его невыносимая обида вылилась потом в тайную драку со старшиной, впрочем, бесполезную, потому что старшина оказался крепче и изоощреннее в кулачном деле. Тогда Алексею было немного неловко за перепуганный вид Маркирьянова в момент построения роты: бегая в поисках исчезнувшего оружия, он был смешон, жалок, несчастен до безобразия. И ему никто ничего не подсказал, все безжалостно потешались над горем и глупостью, ибо уже усвоили: только жесткие формулировки жизни учат справляться с личными пороками и недостатками. И он тоже смеялся над незадачливым товарищем, а ведь мог и сам оказаться на его месте. «Вот она, иная жизнь и новая форма действительности», – думал Артеменко, дав себе установку быть чрезвычайно осторожным и сверх меры терпеливым. Алексей слишком хорошо знал, что, окажись на месте Маркирьянова он сам, все было бы точно так же. Ребята как-то очень быстро огрубели, злые шутки стали нормой, ругательство – родным языком, а жалость – непростительной слабостью. В случае с Маркирьяновым курсанты не испытывали злость к старшине, его урок не пропал даром, они срослись со своим оружием.

Подобно товарищам по роте, курсант Артеменко быстро научился мало спать, отключаться при любых обстоятельствах, не обращая внимания на шум, и просыпаться от малейшего шороха. Он легко передвигался в непроглядной темени ночи, как кошка чувствовал пространство. По уровню чувствительности он напоминал дикого животного, находящегося в состоянии вражды со всем миром, молодого загнанного зверя, который только учится быть сильным хищником, все время опасаясь других, более искушенных врагов.

Спать к концу первого года обучения курсанты умели не только на снегу, голой земле, но за партой на лекции, преимущественно не мигая открытыми закатившимися глазами. Верхом совершенства стал сон стоя или на ходу, и если бы кого-нибудь из них спросили о причинах столь феноменальной концентрации жизненной энергии, никто не сумел бы дать внятный, исчерпывающий ответ. Алексей множество раз убеждался в этом. Однажды он был дневальным перед переходом в Сельцы, так что сомкнуть глаз практически не пришлось. Но ничего страшного в походе не произошло. «Эй, Артеменко, ты куда пошел?» – услышал он чей-то окрик и очнулся, обнаружив себя за пределами строя, уходящим неизвестно куда, – поскольку был он в третьем отделении, то находился на краю строя. Его немедленно поставили в середину спешно движущейся роты. И так, натываясь на идущих справа и слева, а то налетая на рюкзак впереди идущего, Алексей находился в полудремотном, полубредовом состоянии такое количество времени, которое понадобилось роте для броска в восемнадцать или двадцать километров. Неизвестно, сколько бы он еще дремал в строю, если бы не прозвучала неожиданная проверочная команда ротного: «Противник справа, к бою!» И сам себе удивляясь, Алексей обнаружил себя в составе совершенно правильного боевого порядка, перекатывающимся и перескакивающим от кочки до кочки и даже нисколько не уставшим от рваного бега с полным рюкзаком... Таких случаев он мог бы припомнить так много, что вскоре перестал обращать на них внимание.

Но физическое совершенствование и приобретаемые навыки воина незаметно притупляли не только излишние тут сентиментальность, тревожность, мечтательность, но и всю зону чувствительности. Незаметно стало исчезать все то, что раньше составляло богатство и многогранность души. Испарилась былое воздушное ощущение романтики. Особо ценящиеся здесь лапотное хамство и пофигизм стали с лихвой заменять юношескую нежность и страсть.

Мифический пантеон мужской славы, контуры которого тонули в туманных рассказах о военных подвигах, стал единственным символом. Одним для всех. Курсанты постепенно теряли индивидуальность, и Алексея поначалу раздрало любопытство: понимает ли это кто-нибудь еще, его товарищи, сержанты, ротный? Как-то он спросил об этом Игоря, и тот ответил в характерном для новой среды стиле: «Да не парь ты, Леша, попусту мозги, скоро отпуск – там и разберемся». Что касается офицеров, они достаточно часто представлялись Алексею людьми в непроницаемых масках, умело играющими заученную роль, принимающими участие в немислимом фарсе ради чего-то такого, о чем он пока не знал. Алексей в этом ничуть не сомневался. Когда ему выпадала возможность незаметно наблюдать за взводным, глуповато-печальные глаза капитана-переростка как-то сразу выдавали, что он тихо и негласно отстранен от участия в представлении. Играет в этом театре несущественную роль суфлера. Но когда он вглядывался на построениях в комбата – статного, импозантного подполковника, на котором еще в большей степени, чем на ротном, все блестело и сияло, как на параде, – и сопоставлял его вид с произносимыми им ничего не значащими словами, перед глазами Алексея опять возникал жирный знак вопроса. А что, если они и в самом деле такие?! Если и правда за шикарным видом кроется непроглядная темень примитивного человека? Содрогаясь от раздрающих сомнений, Артеменко размышлял порой об этом в блаженной тиши караульной ночи, с тоской вглядываясь в перламутровое небо. Ему чудилось, комбат живет так, будто каждый день – военный праздник, торжество под его председательством. Но за ежедневным фарсом не стояло ничего такого, чтобы привлекало Артеменко как человека, который в детстве читал серьезные книги и не раз мечтал о свершении в жизни чего-то необыкновенного. Что, если все

затеяно ради этого блеска, что, если желание физического и всякого иного превосходства, да и сама принадлежность к элитным войскам – только прикрытие, блеф хитрецов, шахматная партия самых прозорливых, которые всегда будут опираться на таких энтузиастов, как Шура Мазуренко? Алексей не раз мысленно сопоставлял здоровяка Мазуренко и ротного Лисицкого, становившегося все более тучным и неповоротливым.

Мазуренко был настоящим бойцом, воином до мозга костей, такие с готовностью выполняют самые невероятные и опасные военные миссии, своими собственными руками подрывая, уничтожая, убивая и... рискуя. Алексей с невольной улыбкой вспоминал многочисленные курьезы, связанные с жизнью этого странно отрешенного человека, источающего опасность. Завоеватель по натуре, он мог быть либо героем, либо опасным рецидивистом. Случаев было предостаточно, особенно после снятия Мазуренко с должности старшины роты в середине первого курса. Первым делом Шура показательно усмирил сержанта-кантемировца. Недалекий и даже, пожалуй, глуповатый в своем служебном рвении, сержант Ламухин недооценил ситуацию, очевидно полагая, что если Мазуренко в общем строю, то и применять к нему можно весь тот арсенал воздействия, который используется для обычных курков. Не прошло и двух недель после изменения статуса Мазуренко, как после утренней пятикилометровой пробежки и команды нового старшины «Зарядка по плану замкомвзводов» он начал подавать уже потерявшие смысл команды типа «Делай раз, делай два» и требовать синхронного повторения физических упражнений всем взводом. Чтобы не мешать сержанту утверждаться, Мазуренко немного отошел и с привычным рвением занялся собой на железных брусьях.

– Курсант Мазуренко, займите место в строю, – крикнул Ламухин, делая ударение на слово «курсант», и в этой команде также сквозила невиданная глупость и бессмыслица, потому что и строя как такового не было. Были два десятка курсантов, которые впились руками в холодные и влажные жердины брусьев, а их ноги во все еще непривычных сапогах болтались в воздухе. Мазуренко сделал вид, что не слышит, и увлеченно отжимался, хотя несколько внимательных пар глаз пристально наблюдали за ним.

– Курсант Мазуренко, ко мне, – заорал тогда сержант бешено, так, что многие сержанты, да и курсанты других взводов оглянулись и задержали на нем свои взгляды в напряженном ожидании неминуемой развязки. Шура соскочил с брусьев, расправил богатырские плечи, медленно сложил и бросил на деревянную скамейку свои перчатки.

– Ты что, юноша, заигрался? – с металлическим скрежетом в голосе ответил ему разжалованный старшина. Фраза была сказана негромко, но отчетливо, ее слышали лишь курсанты, находящиеся вблизи. Затем Шура приблизился спокойной размеренной и слегка пружинящей хищнической походкой, совсем не так, как должен подходит курсант к своему непосредственному начальнику. Сцена произошла на глазах у всех, и многие даже прекратили заниматься, чтобы не пропустить развитие событий. Алексей заметил, как попятился оторопевший Ламухин, явно не ожидавший такого поворота. По упрямому наклону головы вперед, решительно опущенному подбородку и играющим желвакам Шуры было отчетливо видно, что кровь играет в нем так, будто ее качают поршни размещенного внутри двигателя. Он приближался к сержанту, а окружающим казалось, что от его исполинского торса исходит горячая волна, как будто он окатывает противника накаленным воздухом из невидимого огнемета. За какие-то доли секунды он совершенно преобразился, стал другим. Зверем – неуязвимым, хищным, беспощадным, холодным и ясно видящим цель. И Алексею показалось, что все вокруг застыло, замерло, покрылось тягучей пеленой, все стало замедленным кадром, причем рота превратилась в зрителей, а Мазуренко – в режиссера и оператора. Соперники были приблизительно одного роста, только натренированное тело Мазуренко выглядело шире и мощнее, отчего его наступление казалось сближением танка с хрупким автомобилем. Когда они сошлись, произошло нечто, похожее на короткое замыкание. Не слишком сильный тычок колена в пах заставил тело Ламухина содрогнуться и слегка поддаться верхней частью вперед. И тут же Шура

нанес еще более короткий, молниеносный, как вспышка, и все-таки достаточно сильный удар открытой ладонью в ухо. Удар-хлопок, такой, что не оставляет никаких следов. По потухшим в следующее мгновение глазам сержанта можно было понять, что в голове у него все взорвалось и смешалось, как после выстрела из ручного гранатомета без наушников. Алексей удивился тому, что ему было ни капельки не жаль Ламухина: просто один сильный зверь усмирил другого, того, что послабее. Создавалось впечатление, что в тот момент он обладал такой силой, что мог бы запросто разорвать противника на части. Ему не нужно было ни торжества, ни лавров победителя. Он добивался только одного – чтобы его оставили в покое. И его оставили в покое. Краем глаза Алексей уловил, что не только курсанты, но и новый старшина – Дробовецкий, сменивший Шуру на этой должности, все отчетливо видел, но благоразумно промолчал, отвернувшись и разглядывая что-то в противоположной стороне.

В другой раз Шуру Мазуренко – это произошло почти сразу же после отстранения от должности старшины роты и тихого разжалования – неблагоприятно поставили дневальным по роте, просто в порядке обычной очереди. Когда рота вернулась в расположение, старший лейтенант Лисицкий не выдержал и вышел из канцелярии посмотреть, чем вызвана почти гробовая тишина, абсолютно несвойственная обычно шумному, как пчелиный рой, подразделению. У офицера, слывающего специалистом в методиках воспитания воинских коллективов, глаза полезли на лоб. Шура невозмутимо играл роль дневального, стоя у пресловутой тумбочки с самодовольной улыбкой и взглядом коршуна. Казарма с идеально отмытым коридором и поблескивающими от свежей мастики полами являла собой показательную арену действий. Рота же, как будто пробираясь по узкой тропинке на перевал, беззвучно, по одному, почти что след в след, заходила, прижимаясь к стене. Чтобы не испачкать отмытый и натертый пол... Алексей задавал себе вопрос, отчего они так делали: из страха, из уважения, еще из какого-то неведомого чувства, вытекающего из внутренней этики настоящего воина. Пожалуй, и то, и другое, и третье... Больше Шуру Мазуренко в наряд дневальным не ставили, а еще через два месяца он сменил замкомвзвода пятого взвода, который при нем был просто не в состоянии командовать. Более того, ротный сам вернул Мазуренко сержантские лычки и командирскую должность после того, как узнал об инциденте во время зарядки. Причем сделал это столь же тихо, как и разжаловал перед этим.

«Вот и утверждай, что индивидуальная сила растворяется в коллективной», – говорил себе Алексей, сбитый с толку собственными рассуждениями.

2

Ротный Лисицкий также казался Алексею уникальным представителем этого диковатого социума, но совсем по другому поводу: он мог добиться своего, даже не пошевелив пальцем. Задумав серию прагматичных ходов, он запускал математически точно разработанную интригу. Его отнюдь не причислишь к числу бойцов, поражающих физическими возможностями. Да, он с курсантами порой ходит из Рязани в Сельцы. Но разве это сверхнагрузка? Особенно если учесть, что они идут с оружием и снаряжением, а он – с командирским планшетом. Они – в тяжелых солдатских сапогах, он – в легеньких хромовых, с переклеенными подошвами, все равно что в кроссовках. Они в дороге, обливаясь потом, падают в грязь по команде «К бою!» бесчисленное количество раз, он – только надменно глядит на развертывающееся перед глазами представление, сложив руки на груди, словно жюльверновский капитан Немо. Алексею казалось, что ротный мнит себя стратегом, ловко пользующим все эти до совершенства развитые мускулы, а также все остальное, необходимое для войны: боевые машины, приданную артиллерию, поддерживающую авиацию и так далее. «Выходит, – пришел к выводу Артеменко, – вовсе не обязательно становиться супербойцом, чтобы быть успешным командиром». И это тоже было открытием для Артеменко, причем неприятным...

Более того... Он вспомнил комбата и неожиданный эпизод в лагере в Сельцах, когда они заканчивали первый курс. Они с Игорем, будучи в наряде по кухне, выносили бак с парашей – пищевыми отходами, чтобы взгромоздить его на древнюю телегу с не менее древней, уставшей от жизни клячей. Погонял ее такой же ветхий старик, облаченный в грязное тряпье. Стоял ясный летний день, и оба курсанта воспользовались моментом, чтобы перевести дух после мытья почти сотни кастрюль. Они немного отошли от несчастного животного и повозки, от которых ужасно несло гнилью и перебродившими кислыми щами. Игорь затаился сигаретой, а Алексей подставил лицо солнцу.

– А что, комбатом у вас Петя Рейков? – услышали они скрипучий голос невозмутимого старика, ведавшего помоями. Он приближался с заплесневелым окурком, намереваясь подкурить его от сигареты Игоря. Ребята дружно поморщились от стойкого запаха помоев и старческого смрада, которыми насквозь пропитался старик.

– Да, подполковник Рейков, – на всякий случай добавил официоза Игорь. – А что?!

– Да ничего... – вздохнул худосочный отшельник, отступив на пару шагов, словно стесняясь своего вида. Он, видно, заметил, что общение с ним курсантам не очень-то по душе; трясущимися руками старик поднес окурок сигареты к облупившимся, изглоданным временем губам. – Помню, вот так он, как вы сейчас, мне помой выносил. Часто тут нарядил. Звали его Петя Деревянная Голова. А теперь комбат, подполковник. Вот как оно в жизни бывает... – и с этими словами он многозначительно крякнул, как будто с сожалением, да и погнал свою дохлую клячу. Морда бедного животного вытянулась от натуги, тогда как туловище почти не шелохнулось. Казалось, что глаза его просили: «Пристрелите меня, сжальтесь!» Но то ли от стариковского «Да-вай, по-шла!», то ли от очередного повеления небес, колеса повозки медленно провернулись и с дребезжанием, скрипом, а затем мерными гулками ударами об асфальт покатались прочь. Еще немного, и все это жуткое марево исчезло, оставив после себя лишь помойный душок, который вскоре слился с кислым, тягостным запахом заднего двора столовой.

Все это было проиграно в воображении Алексея, как вырезанный из общего кино об училище показательный эпизод, который возник сам собой при мысли о комбате и точно так же бесследно исчез после просмотра. Но ведь не может быть, чтобы единственным стимулом столь неестественной жизни оставалось сомнительное стремление к формальному возвышению, к званию, к должности. Или пусть даже к военной доблести. Ведь помимо этого, существуют еще и другие краски жизни. Или, может быть, они вычеркнуты навсегда?! Алексей боялся себе признаться, что он вовсе не за этим подался в училище. Ему ни к чему были звания и должности, он еще больше, чем прежде, не любил армию – эту деструктивную, серую, не думающую силу вышколенных масс. Он ведь не желал стать генералом, как Игорь. Он пришел для чего-то большего: РВДУ он рассматривал как крупнейший и сложнейший тест, как личный проект, как трамплин для чего-то осознанного и великолепного. Но чего, он пока не знал. Зато уже после года учебы Алексей хорошо знал другое: его индивидуальная оптика восприятия действительности была теперь гораздо лучше настроена, чем у других. Через два года учебы он решил, что ни за что не допустит, чтобы опыт над собой оказался неудачным. К третьему курсу он признал, что проект создания сверхчеловека невозможен при опоре только на физическую подготовку. И, признав, вернулся к давно оставленным книгам.

Глава шестая

(Рязань, РВДУ – Умань, Черкасская область, январь – февраль 1987 года)

1

Очень скоро курсант Артеменко научился жить в училище лишь настоящим моментом, что служило залогом выживания, вылилось в непреложную, никогда не меняющуюся аксиому бойца. Но почему-то именно этот, как казалось раньше, бесспорный козырь, уже на втором году учебы стал неожиданным источником сомнений и чудовищной душевной метаморфозы. Однажды курсант сделал страшное, шокирующее открытие: его жизненный сценарий уже кем-то расписан, а смысл жизни заключается лишь в неукоснительном следовании этому сценарию. Да, он может стать закаленным и грозным, может быть, даже опасным воином, он приобретет необычайные, непостижимые для обычного человека цепкость, ловкость, силу. Но что дальше? Ведь вся незамысловатая инженерия выковывания и клеймения этого безупречного легиона состояла в том, чтобы непрестанно совершенствовать умения действовать быстрее, стремительнее, точнее. «А не сам ли ты этого хотел, не сам ли стремился», – вопрошал себя Алексей. «Да», – отвечал его глубинный, замураванный в подземелье души робкий голос. Но кто же знал, что за приобретение тактико-технических характеристик универсального бесстрашного биоробота следует платить отказом от участия в построении своей судьбы? Кто предполагал, что фанатичная преданность хозяину станет важнее преданности своему «Я»? Алексею нравился процесс овладения арсеналом военного человека, его, как и многих молодых людей, захватывало прикосновение к разящему железу, он тайно упивался превращением в современного кентавра. Но вместе с тем внутри него незаметно росло и противоположное чувство, ведь так и самый великолепный солдат становится всего лишь предметом, перестает принадлежать себе, быть цельной личностью. Как хорошо вышколенный бульдог или терьер готов в интересах своего хозяина пустить в ход клыки, так и их готовили применить однажды свои уникальные навыки – в интересах другого хозяина. Этот хозяин, называясь расплывчатым термином «государство», являлся отныне олицетворением высшей, неподвластной влиянию воли, равной Абсолюту. Как-то после долгих размышлений Алексея обдало жаром внезапного озарения: они все уже продали души. Кто-то сторговался за них с самим Господом!

Но придавленный голос собственного «Я» не был разрушен, он не сдавался и упорствовал, не желая растворять душу в кислоте идеологических абстракций. Разум действовал сообразно сложившимся обстоятельствам, заботясь о выживании тела, всего организма, но его индивидуальность решительно восставала против вероломного присоединения к общей, коллективной душе. Вместе с потерянной свободой упала его самооценка. Алексея неотступно преследовала странная и неведомая доселе жажда уединения, и однажды, когда его товарищ Игорь Дидусь попал в субботний наряд, он впервые вышел из училищных ворот в город с ощущением непреодолимой, безнадежной заброшенности души. В полном одиночестве сделал он несколько кругов по знакомой городской местности, не теряя автоматической бдительности в отношении вездесущих патрулей, забрел подкрепиться в излюбленную сослуживцами блинную и, не обращая внимания на частушечный курсантский говор, направился к выходу.

– Чего кислый?! Пошли в кино! – приветствовали его товарищи из взвода.

Он молча отмахнулся, многосложно указав куда-то вдаль рукой, как если бы у него уже были планы.

– Ладно, подтягивайся к дискотеке. Сегодня в Дофе, – кивнули сослуживцы, не особо огорчаясь отказу и не намереваясь вникать в его состояние. У них и так не хватало ни времени,

ни возможностей для достижения кратковременного счастья, и каждое увольнение давно стало похоже на предыдущее и проходило по однотипному сценарию.

Артеменко был обескуражен. Он должен придумать нечто радикальное, такое, что коренным образом изменит ситуацию. Отрешившись от действительности, он долго бродил по городу, пытаясь собрать разрозненно мечущиеся мысли и сосредоточиться. Алексей очнулся, когда внезапно оказался перед массивной дверью городской библиотеки. Он некоторое время колебался, но преодолел сомнения и вошел. Если здесь он не найдет выхода из создавшейся ситуации, то по меньшей мере хоть обретет временное успокоение.

Две компетентные, одинаково тощие дамы в читальном зале с суховатой насмешливостью взирали на него, хотя в глубинах их взоров угадывалось тщательно скрываемое изумление. Алексей понимал, что вызывает недоумение, подобное тому, как если бы молодая привлекательная девушка из необъяснимого каприза ушла в монастырь. Помолчав, курсант ошарашил опытных служительниц культа знаний, заказав сразу несколько книг: «Мартина Идена» Джека Лондона, «Отверженных» Виктора Гюго и «Триумфальную арку» Ремарка. И, решив разбить стену отчуждения, сказал:

– Мне для реферата нужно. – Артеменко казался смущенным, и строгие женщины немного ослабили оборону, понимающе закивали, хотя в их умных глазах сквозило недоверие.

Когда Алексей утонул в мягкости пышного кресла в почти пустом зале, он испытал неподдельное наслаждение. Знакомые с детства и ни с чем несравнимые запахи книг, спрессованная энергия мысли, упрятанная на полках мудрость, божественное пространство, от которых он в своей дремучей тяге к насилию давно отвык. Он с усмешкой подумал, что нет, не шоколадом тут пахнет, а скорее чем-то терпким, перцовым, раздражающим горло, вызывающим жжение во всех членах. Но главным был все-таки даже не запах, а звук. Вернее, его отсутствие, уникальное ощущение, как если бы он влез внутрь гигантской раковины, где все на свете дрожит, трепещет, изнывает соблазном. И в то же время здесь все неизбежно, недостижимо ни для кого и ни для чего. Сюда не могут добраться отрывистые команды «Равняйся! Смирно!» Это было сказочно беспечное царство юности, свой особый дух, сила которого – Алексей это чувствовал – могла пробудиться при его упорном, неотступном желании. И в упоении юноша стал листать любимые книги, не читать, но просто вспоминать черты героев, их мысли, переживания, их потрясающие мгновения любви и волшебных превращений. Все было как наяву! Он неожиданно для себя пережил какой-то необъяснимый катарсис, освобождение от пут, неясного гнета чуждой ему власти. Пренебрегая земным притяжением, он вдруг оторвался от поверхности и плыл, плыл, паря в облаках охватившего его беспричинного счастья.

В казарму курсант Артеменко вернулся совсем другим человеком. Личностью, прошедшей очищение и теперь спокойно, по-новому смотрящей на происходящее. Под другим углом зрения, трезво оценивая перспективы. Внешне все оставалось по-прежнему, и он ничего никому не рассказал, даже Игорю. Боясь, что вдруг наткнется на стену непонимания. Впервые со времени поступления в училище Алексей не спал почти всю ночь. Он напряженно думал. В голове его зрело решение, он должен был найти свою особую, пусть несхожую с другими, формулу выживания и развития. Что его беспокоит? Двусмысленность нынешнего, почти рабского положения оскорбляла его, делала выработанную годами цель насмешкой над прежней свободой, искажала миропонимание, которое он пытался перестроить в угоду одному-единственному стремлению – стать идеальным воином. Теперь эта цель терялась, ускользала и требовала слишком много жертв, главная из которых – отказ от всего личного и подчинение неким коллективным принципам жизни. Но многие коллективные цели он находил неприемлемыми и даже абсурдными. Весь загадочный антураж, все, что находилось под филигранно раскрашенной пленкой, предназначенной внешним наблюдателям, в сущности, было отравой для его психики, прямой угрозой его личности, уже сформированной благодаря долгому поиску, открытиям и озарениям. Здесь же требовали забыть, стереть абсолютно все, желая разрушить

былые представления о достижениях, чтобы освободить место для совсем иных ценностей, подчиненных идеологии войны.

Если бы он проник в природу войны, то неминуемо признал бы, что искусство лепки солдата, проповедуемое и применяемое в РВДУ, не только уместно, но и единственно верно применительно к необузданной, непредсказуемой ярости ее пламени, выжигающей все человеческое. И что РВДУ с его жесткой платформой и натуралистическим, не скрывающим грязи подходом в действительности ближе всех остальных учебных заведений стоит к войне. Тогда бы Алексей понял, что душа солдата должна быть лишена индивидуальности, задолго до сражения укрощена, подчинена законам фанатично вопящего племени и более высокой, кажущейся божественной, силе. Индивидуальность солдата имеет право проявиться лишь в тех редких случаях, когда находится на кончике вектора коллективной силы, когда способна служить острием копья, в то время как древко направлять будет иная воля. Но даже осознав вполне эти азбучные истины войны, Алексей отказался бы принимать сатанинский дух армии как раз в силу коллективности души, потому что ему необходимо было индивидуальное измерение силы, личные эмоциональные переживания вместо рационального, обезличенного использования его возможностей в составе оголтелой орды, жгучее упорство самобытности вместо общего монолита, выдвигаемого от имени власти и сметающего все на своем пути. Все эти с раннего возраста живущие в нем впечатления здесь, в училище, яростно вытравливались, его уже наполненный мозг опустошали, а он бессознательно противился этому. Алексей чувствовал, что его цветущая молодая личность начала стремительно увядать и усыхать. Самооценка задыхалась и умирала, как большая рыба, выброшенная на берег. Возможно, Алексей забылся бы, перемололся бы, обработанный тяжеловесными жерновами вэдэвэшной мельницы, но слишком пестрые напоминания о происходящих в нем превращениях заставляли его снова и снова думать о том, не спутаны ли карты в его судьбе...

Игорь однажды ошарашил его своим миропониманием.

– Знаешь, что такое наше военное счастье? – спросил он во время одного из переходов и сам же ответил: – Счастье – это когда ты уже такой седой генерал, прошел три войны, орденов у тебя полная грудь, конечно, звезда героя. И так идешь по улице, чинно, с высоко поднятой головой, все на тебя оглядываются, пацаны пальцами тычут... А ты знаешь, что тебе уже на все и на всех наплевать; сейчас ты поедешь на реку, закинешь удочку и в тишине посидишь, понаблюдаешь, как рыба клюет, как оводы резвятся, как шершень копошится в траве...

– Но ты можешь все бросить и сейчас поехать на реку, посидеть с удочкой... – ответил ему тогда Алексей, пытая под гранатометом.

– Э-э нет, – уверенно отреагировал Игорь, – это надо заслужить, надо на войне побывать, сражение выиграть, дослужиться до...

– Я оцэ слушаю вас и гадаю: яки ж вы дурни! – ворвался в разговор Петя Горобец, который шел за Алексеем след в след, чтобы движение было механическим и монотонным. – Хиба важко зрозумити, шо щасливим чоловик може бути тоди, колы вин сидить биля власного будинку, поруч весела дружина, яку можна за сидницю схопыти, деь там диточки гуляють, собака велькый лыжить мордю на твоих ногах. А ты горилку смакуешь, сальцем заидаешь та з кумом калякаешь. А вы тут дурныци розповідаетэ...

Игорь прыснул.

– Ну ты, Птица, и быдло, тебе б только жрать и спать! Какое-то счастье у тебя селянское.

– Сам ты быдло, не знаешь, шо ляпаешь, – обиженно огрызнулся Горобец и опять уткнулся взглядом в набитый рюкзак Алексея.

Столь разные представления о счастье настолько шокировали тогда Артеменко, что он даже отмахнулся от мысли поспорить об этом...

2

Между тем приближался второй зимний отпуск, во время которого Алексей решил приступить к перекраиванию своего жизненного сюжета. Начал он с детального изучения собственных перспектив. Сравнивая привезенные фотоснимки из училища с ранними, еще школьными фотографиями, он убедился, что его мышцы заметно увеличились, а взгляд приобрел металлический и несколько отрешенный оттенок, свойственный бесконечно уверенным людям. Правда, вследствие увлечения штангой и гантелями он заметно поправился и его мышечный корсет стал сковывать его былую свободу движений. А когда мама воскликнула при встрече: «Ах, Лешенька, как ты повзрослел!» – и долго рассматривала его пристальным взглядом, он лишь снисходительно улыбнулся. После тщательного изучения своей физиономии Алексей нашел себя лишившимся былого юношеского шарма. Вместо скуластого привлекательно точеного лица из зеркала на него смотрела слегка отяжелевшая, наглая и вместе с тем угрюмая бульдожья морда, готовая в любой момент обнажить клыки.

Впервые за многие месяцы Алексей надолго оказался наедине с собой, получив возможность спокойно осмыслить свое положение в пространственной системе координат. Дома совсем ничего не изменилось: так же мерно и умиротворенно тикали большие настенные часы, доставшиеся матери от бабушки. Но теперь он явственно, как никогда доселе, ощущал скоротечность и одновременно бесконечность бега времени: целая жизнь пролетела за эти насыщенные месяцы в училище, а часы остались бесстрастными, они не несли никакого отпечатка впечатлений, в них не чувствовалось никакой тяжести времени. И с этим магическим тиканьем стали улетучиваться и его сомнения, опять возникало потерянное былое ощущение, что на самом деле во Вселенной нет ни начала ни конца, и все бесконечно – время и пространство. А он, как и все остальные, только песчинка, заблудившаяся точка, ищущая свое предложение. Он, как шарик для пинг-понга, всякий раз легкомысленно подпрыгивает, когда его настойчиво ударяют, посылая в определенном направлении. Если так, то не должен ли он сам скорректировать траекторию собственного развития, не доверяя это заветное дело никому? Ведь его судьба – это только его судьба! И только он сам должен иметь власть над ней! И как только Алексей подумал так, как только заявил сам себе о новых намерениях, незаметно в его подсознании все пришло в движение, закрутилось горячим вихрем. Смутные мысли, приобретающие оттенки, эмоции, какие-то неведомые силы, сгустки ранее непознанной энергии – все это начато вращать с немислимой решимостью колесо, которое и является колесом Фортуны, колесом его личной жизни.

Нет, ему нужно не отчисление! Это было бы слишком просто, к тому же пахло непростительной трусостью, проявлением слабости. Тем более, ведя честный разговор с собой, Алексей не мог не признать, что попал под обаяние четырех магических букв «РВДУ». Не уход из училища, но возможность подняться настолько, чтобы стать над системой, взять из нее лишь то, что близко сердцу, отказаться от сопутствующей глупости, от всего остервенелого, животного, доставшегося в наследство от разъяренного первобытного, пещерного человека. Чтобы привести в порядок мысли, Алексей отыскал старые пластиковые лыжи, на которых до поступления в училище самостоятельно освоил новый, оригинальный способ передвижения. Следя по телевизору за зимней олимпиадой в год поступления в РВДУ, он как-то приметил рослого, с невероятной скоростью перемещавшегося коньковым ходом скандинава. Это заинтересовало десятиклассника, и он надолго банальным вечеринкам с алкогольной стимуляцией и поклядистыми девчонками предпочел проходить на лыжах по двадцать пять-тридцать километров ежедневно. Алексей давно приучал себя к мысли: все, за что он берется, должно закончиться успехом. Теперь же, в отпуске, ему необходимо было вернуть самую мысль, возродить в сердце утрачиваемую убежденность в своих безграничных возможностях. Но не только это. Вспомни-

ная и оттачивая немного позабытые движения, он как-то ожесточенно, непрерывно думал. Кислородный ливень давал мыслям такие импульсы, что они легко достигали звезд. Но если утром он топил все свои клетки в кислороде, то днем его мозг оказывался сжатым в тисках необычных магнетических состояний; сознание под воздействием стопок книг расщеплялось, рассыпалось на части, разлеталось, словно под артиллерийским расстрелом, чтобы вновь сложиться, но уже новым ажурным узором. Курсант читал запоем, приобщаясь к новым книгам и не брезгуя беглым просмотром давно известных. Трофеи не замедлили явиться, представая в виде различных, удивительно четких, панорамных, объемных и емких картинок. Лики героев, решительные и непримиримые к неблагоприятным обстоятельствам, не только еще более укрепляли его веру, но и подсказывали путь. Когда же после Гая Саллюстия, Александра Куприна, Ирвинга Стоуна, Джека Лондона Алексей отыскал на запыленной полке зачитанные до дыр, много раз клеенные липкой лентой и укутанные теперь в прозрачную оберточную пленку книги Алена Бомбара «За бортом по своей воле» и «Последние дневники и письма капитана Роберта Фалкона Скотта», слезы умиления брызнули у него из глаз. Произошло колдовское растапливание сердца, как у сказочного Кая из «Снежной королевы». Маленький томик о двухмесячном путешествии без воды и еды на резиновой лодке через Атлантику и раньше помогал Алексею укрепить дух, действовать с неистребимым натиском и фантастической мощью. Теперь Алексей читал и как бы вновь настраивал на привычное звучание струны своей души, несколько разладившейся, как заброшенная гитара. Пережив вместе с английским морским офицером гибель товарищей в снегах Антарктиды и совершив с отважным капитаном волевой акт смерти, он словно расколдовал себя, вспомнил тайный шифр миссии, и ему снова удалось пробудить в себе желание активно мыслить и действовать. Так, как подсказывает личная, внутренняя воля, а не наружная сила внешнего убеждения.

Преобразования внутри мировосприятия Алексея походили на ловкую хирургическую операцию в глубинах мозга. К моменту возвращения в Рязань он чувствовал себя совсем другим человеком – преобразованным и обновленным, готовым к изменению внешней среды вокруг себя. Короткий отпуск уже заканчивался, когда Алексей случайно уткнулся глазами в плотный томик Ницше с привораживающим названием «По ту сторону добра и зла». Он открыл книгу наугад и прочел: «Всякий должен самого себя испытать, насколько открыто для него независимое и властное существование; но для этого необходим подходящий момент». В сердце у курсанта кольнуло, что-то острое вонзилось и прошло насквозь, оставив горячий след, как если бы каленое железо поставило там причудливое клеймо. Алексей задумался, удивившись, что всякий раз, находясь на перепутье, он в книгах находил ободрение или подтверждение тому, что задумал. Глаза его машинально прошлись дальше по тексту: «Не следует уклоняться от подобного испытания, хотя бы оно представляло наиопаснейшую игру, какую только можно себе представить, и служило бы, в конце концов, свидетельством только перед нами самими, а для всякого другого судьи оставалось недоступным». Алексей открыл первую страницу и прочел там дарственную надпись: «Алеше от папы. Да помогут тебе Бог и Воля твоя!» Далее стояла роспись отца и дата, которая отделяла ровным месяцем другую, более темную дату, которую он всегда помнил, – день его смерти. Рука Алексея осторожно провела по выведенным чернилами буквам, словно прикасалась к отцу, шевелила мягкую пыль, которую сплошь была усыпана память о нем. Он ощутил, что это прикосновение к книге было как прикосновением к душе отца, мимолетное и трогательное касание отцовской ауры подействовало на него с ответной реакцией. Алексей подумал было взять книгу с собой в училище, но быстро изменил решение – слишком дорог для него был этот со вкусом оформленный томик, чтобы рисковать им. Зато в училище он зачем-то притащил лыжи...

Глава седьмая

(Рязань, РВДУ, февраль – март 1987 года)

1

Если человек способен что-либо делать лучше других, он непременно будет искать возможность продемонстрировать свои способности. Если кому-то подвластно нечто неординарное, позволяющее выделиться и самобытно выразиться, он будет несчастлив до тех пор, пока не сделает свой талант достоянием многих. В природе человеческой заключен довольно примечательный пунктик: отважно стремиться к публичному проявлению своих лучших качеств, даже если они окажутся неуместными или окажутся с опасными последствиями. И как только человек вознамерился раскрыться перед многими, ему обязательно однажды представится случай продемонстрировать свое умение – это непреложное уже правило самой жизни.

Курсанту Артеменко хорошо было известно, что в феврале предстоит общая для всего училища десятикилометровая лыжня, он также знал, что добрая четверть роты вообще ни разу на лыжах не стояла. Командиры, как всегда в таких случаях, сознательно закрывали глаза на всяческие уловки и хитрости, позволяя курсантам самостоятельно лавировать на стремнинах учебного процесса. Алексею неожиданно повезло дважды. Первый раз, когда благодаря устойчивой морозной погоде на широком, открытом ветрам поле за училищем образовалась плотная выровненная ветром корка наста. Второй, когда кафедра физической подготовки приняла решение давать старт повзводно и поротно, лишь с небольшим интервалом времени. Таким образом Алексей оказался в первых рядах стартующих, и он не только никому не мешал, но часть роты вообще не заметила его бега. После старта он ловко перескочил на твердый наст рядом с лыжней, и уже через минуту легко догнан второй, а затем и первый взвод, без напряжения обойдя товарищей, мучавшихся на лыжне не столько от бега, сколько от деревянных, убогих, дореволюционных, плохо прилаженных к сапогам лыж. Когда он отмечался на повороте у офицера с кафедры физической подготовки, позади него уже давно никого не было видно. Почти все курсанты двигались косолапо и наверняка вызвали бы смех у стороннего наблюдателя неуклюжими, порывистыми, топорными перемещениями, если бы за этим действием не стояло суровое мужское упорство и феноменальная способность терпеть даже то, что дается ради самих испытаний. В училище с особой трепетностью относились к обучению терпеть. Ради этого летом курсанты плавали в одежде с оружием, зимой бегали на лыжах или с лыжами в руках не спали ночами в лесных засадах, таскали на себе в горы не только оружие, но и ящики с боеприпасами... Командирских выдумок всегда было предостаточно, и все во имя культа совершенности и несокрушимости... Здесь создавалась особая порода людей, одинаково презирающих опасности и напряжение, в равной степени нечувствительных к требованиям собственной плоти.

Когда Алексей прокричал на финише: «Курсант Артеменко, первая рота, третий взвод», позади него было совершенно пустое поле. Лишь через две с половиной минуты на горизонте показались сибиряки Абакумовы из первого взвода, за которыми опять долго никого не было видно.

– Ты где лыжи взял-то? – с ироничной усмешкой спросил высокий майор с планшетом, отмечавший курсантов.

– Из дома привез.

– Вообще-то тебя следовало бы поставить на дрова да отправить повторно на круг, чтоб был со всеми в одинаковых условиях... – В голосе майора не было ни злости, ни негодования,

он произносил слова скорее для порядка, намереваясь переложить ответственность за подобную хитрость на чьи-то другие плечи.

– Ладно, Витя, не мучь курсанта, он тоже свое отработал, смотри, в мыле совсем.

К ним подошел худощавый, стройный, как жердь, полковник в шинели, из-под которой поблескивали хромовые голенища сапог. Его руки были облачены в щегольского вида лайковые перчатки, дорогие, блестящие и совсем непохожие на те, что носили другие офицеры. Продолговатое лицо с тонкими чертами приковывало к себе взгляд. Несмотря на холодную, пусть и безветренную погоду, он был в фуражке с элегантно поднятой кокардой, которая формой напоминала безупречные фуражки офицеров вермахта. Полковник ярко выделялся своей подтянутостью и щеголеватостью на фоне майоров и подполковников кафедры, одетых в мешковатые камуфлированные куртки и небрежно нахлобученные зимние шапки. Но еще больше, чем внешний лоск, его отличали манеры, неторопливые, гипнотически действующие жесты и несвойственная представителям данного рода войск мягкость речи. Это был явно не командирский голос, он скорее мог принадлежать интеллигенту, чем военному. Здесь, посреди снежной пустыни, полковник выглядел экзотично, мог показаться слишком напыщенным, если бы не естественность, пронизывающая все его движения, внимательный, пристальный и совсем равнодушный взгляд на происходящее, да стоявший в пятидесяти метрах от финиша командирский уазик рядом с обязательной в таких случаях каретой «скорой помощи». Обладающий властью может позволить себе многие отклонения от общепринятой нормы, а этот человек всем своим видом демонстрировал, что властью и авторитетом на этом клочке земли он обладает немалыми.

– Коньковый ход где освоил, занимался? – спросил полковник с явным интересом, уже обращаясь к Алексею и как бы снимая с майора ответственность и необходимость отвечать на слова курсанта.

У Алексея радостно забилося сердце, заклокотало кровяными толчками у горла. Перед ним был начальник кафедры физической подготовки училища полковник Мигулич. Неужели попал в поле зрения? Неужели сработало?

– Так точно!

– Давай, накинь шинель, чтоб не простыл. Сдай номер и подойди ко мне, потолкуем.

– Есть!

Алексей летел так, словно у него к спине, как у сказочного Карлсона, был приделан волшебный моторчик. Снимая лыжи и меняя спортивные ботинки на остывшие на морозе сапоги, успевшие превратиться в деревянные колодки, он заметил, как подрагивают его руки от охватившего волнения. «Нет, это от мороза, сейчас пройдет. Это шанс, это шанс! Господи, помоги мне, дай мне этот шанс». Натягивая застывшие сапоги, парень мысленно повторял свои нехитрые заклинания, как будто пытался заговорить всемогущего Мигулича.

Через полминуты он уже штыком стоял перед полковником, боясь, что кто-то иной завладеет его вниманием. Тот, морщась, отмахнулся от его солдафонского доклада.

«Оставь это для своих командиров и для тех, кто ценит бутафорию. Для меня же важнее всего дело», – как бы говорил за него этот короткий и тайно ободряющий жест тонкой руки в блестящей кожей перчатке.

– Плаваешь как? – неожиданно спросил он все тем же мягким спокойным голосом, который, казалось, ничем, даже залпом пушек, невозможно вывести из равновесия.

– В детстве занимался, считаю, неплохо, – коротко отрапортовал Алексей.

Полковник посмотрел на него внимательно и пристально. Его, вероятно, удивил такой ответ.

– Сто метров за сколько проплывешь?

– За минуту пятнадцать, думаю. – Алексей глотал слова отрывисто и быстро, но время сказал наугад. Он имел довольно смутные представления о скорости плавания и, тем более,

о собственных возможностях на стометровке. Но зато он точно знал в этот момент, что надо за что-то зацепиться.

– Это плохо, надо за минуту пять – минуту семь, – задумчиво проговорил полковник, как будто сообщил время сам себе, в унисон параллельным размышлениям. Он явно колебался, не знал, как быть дальше с курсантом.

– А как с гимнастикой, когда-нибудь приходилось заниматься?

– Если честно, нет. Но на турнике я всегда упражнялся, при поступлении тридцать раз подтянулся... – Тут Алексей запнулся, ему показалось, что он говорит совсем не то. Солнце счастья вынырнуло, подарило улыбку и сейчас уже наполовину было скрыто в пучине непроглядных облаков. И неожиданно даже для самого себя он решился: – Товарищ полковник, дайте мне шанс попробовать. Если не подойду, проситься не буду.

После слов, выпаленных рассыпной дробью, Алексей посмотрел прямо в глаза полковнику. Он не знал, заметил ли тот мольбу во взгляде курсанта, и опустил глаза...

– У нас в этом году из училищной команды многоборцев два ключевых спортсмена выпускаются, – сказал начфиз. – Замены адекватной я пока не нашел. А в августе – чемпионат ВДВ. Поэтому поступим так. Я дам тебе два месяца. Если зацепишься в команде – твое счастье. Если нет – опять возвращаешься в строй. Договорились?

– Так точно! – выпалил Алексей. У него голова шла кругом.

– У Лисицкого в первой роте?

– Так точно!

– Я с ним переговорю. Ступай!

2

В один миг жизнь курсанта Артеменко повернула на сто восемьдесят градусов. Он будто очнулся от долгого забытья, вышел из продолжительной мучительной комы и источал теперь свет заговоренного, через которого прокатилась волна озарения. Но самым главным для него являлось засевшее внутри неистребимое, нежно щемящее ощущение, что это он сам изменил свою жизнь! С момента памятной встречи с полковником Мигуличем каждое утро он стал исчезать из казармы за полчаса до подъема роты, чтобы вместе с училищной командой на городском транспорте добраться до бассейна. И всякий раз по пути в застывших невыразительных пятиэтажках с редкими светящимися окнами, в темных ветвях сонных, склонившихся над дорогой деревьев, да и в самой пустынной дороге, словно набегающей на ветровое стекло почти всегда безлюдного первого троллейбуса, Алексею Артеменко мерещились в эти минуты признаки еще не испытанной реальности. Он удивлялся, отчего его новые товарищи дремлют, тогда как его возбуждение только нарастает от предстоящего дня. Алексей по-прежнему пребывал в абсолютной, неколебимой уверенности, что должен совершить в жизни что-то значимое, величественное, масштабное. Сейчас он получил передышку, возможность осмотреться по сторонам, взглянуть на мир под другим углом. Иначе зачем тогда жизнь снова и снова дает ему возможность поступать именно так, как диктует его собственная воля?! И при мысли о будущем он все чаще с гордостью думал о том, как складываются во все более четкие, отменно прилегающие друг к другу пазлы его личных убеждений.

Километры борьбы с самим собой в обложенном по-советски ломким кафелем бассейне сразу превратились для него в часть самоутверждения. В эти тягучие минуты, когда Алексей уголком рта сдержанно, по-рыбы хватал воздух и затем медленно выдыхал его в воду, он видел мир сквозь темные запотевшие стекла плавательных очков. Он задыхался, его руки и ноги сводили судороги, мышцы ныли и порой напоминали о себе острой болью перенапряжения, но он дал себе слово бороться до конца. Очень уж ему не хотелось возвращаться в строй оловянных солдатиков, где он необратимо терял себя. В категорию абсолютной важности был возведен им

принцип победы, ее факт, сам же спорт казался лишь средством достижения цели. И хотя этот маленький мир был так же, как у рыбы, посаженной в стеклянную банку, узок и призрачен, к тому же подчинен неумолимому тиканью громадного электронного таймера, он был Алексею гораздо ближе нескончаемой огранки шага на плацу. Здесь, в мире секунд, появился реальный смысл жизни, тогда как на училищном плацу жизнь для него оставалась иллюзорной. И он знал почему. Ни лучший строевик, ни лучший стрелок, ни, в конце концов, лучше всех успевающий курсант не могли претендовать на бесспорный успех – разноцветные стеклянные фрагменты не обязательно составляли неповторимый витраж. Алексей часто думал и об этом, но чем больше он представлял себя офицером, тем более размытой и туманной оказывалась его карьера. Но эти мысли его странным, необыкновенным образом поддерживали. И потому, когда вторая и третья тренировки после учебных занятий или многочасовой стрельбы из пистолета доводили его до полного физического опустошения, курсант все равно точно и ясно видел цель своей ежедневной борьбы.

Тяжелее всего дело обстояло с гимнастикой, и порой отчаяние, бессилие что-либо изменить доводило Алексея до иступления. Хотя контрольные упражнения многоборцев на перекладине и брусьях являлись, по гимнастическим меркам, просто детскими, научиться выполнять в восемнадцать лет то, что должно постигать в шесть, являлось задачей, похожей на изучение теории относительности. Алексей сполна испытал ощущения переростка Ломоносова, севшего в таком же возрасте за парту начальной школы. Прежде всего надо было вернуть к жизни, завести, как старые часовые механизмы, застоявшиеся от времени суставы. Часами он тянул себя во все стороны, пытаясь возвратить утраченную гибкость. Однажды в городском гимнастическом зале Артеменко увидел жуткую картину, как приучали тянуть носочки и держать прямыми ножки маленьких пятилетних гимнасток. Кажущиеся монстрами тренеры усаживали их на маты, упирали розовые, как созревающие яблочки, пяточки на подпорке и медленно, но неотступно давили на коленки так, как будто намеревались сделать из детских ножек лук. Алексей не мог до конца досмотреть это душераздирающее представление, когда неумолимые взрослые добиваются выгибания ножек неестественной дугой; ему казалось, вот-вот детские связки лопнут и ножки вывернутся, как у кузнечика. Но безмятежные улыбки на детских личиках всякий раз возвращали его к жизни, усиливая веру в безграничность человеческих возможностей. «Пластика – это не столько врожденное, сколько достигнутое качество», – стиснув зубы, мысленно повторял Алексей, когда на его выгнутых в другую сторону коленях по его же настоятельной просьбе в течение нескольких минут топтался кто-то из спортивных соратников. К счастью, перекладина и брусья никогда не рассматривались им как расставленные противником противотанковые «ежи». Он не боялся снарядов, безропотно соглашаясь на форсированное освоение упражнений, которые раньше казались ему фантастическими цирковыми трюками. Да и была ли у него альтернатива?! Помогала, впрочем, отличная физическая подготовка, позволявшая вытерпеть сознательное насилие над своим организмом. Правда, здесь неискушенного спортсмена подстерегала другая опасность – он начал одну за другой срывать кровавые мозоли на руках. Каждый раз, когда это случалось, он выл, подобно волку, от безнадежности. Мучительная боль была ничем по сравнению с тем, что несколько дней он не сможет подойти к перекладине и брусьям. И он приспособился выполнять часть упражнений с опорой только на пальцы, бесконечно отжимался в стойке на руках, подтягивался на одних пальцах такое количество подходов, что терял им счет. Число подтягиваний за один раз он довел до тридцати, как в момент поступления в училище, а число отжиманий на брусьях – до полусотни. Освоив через месяц занятий классический мах на перекладине, Алексей сумел выполнить большие обороты, именуемые в народе «солнышком». Правда, не с гимнастическими накладками, как некоторые корифеи военного многоборья, а привязавшись за кисти к стальному пруту перекладины и подложив под ладони обычные четки.

– Ну, ты особо не радуйся, это упражнение полковник Мигулич делает без разминки, в сапогах и военной форме. Так что твой пороссячий восторг тут явно лишний.

Отрезвляющие замечания капитана команды, как учительские пометки на полях школьной тетради, оказывались не только точными и лаконичными подсказками, но и руководством к действию. Почти что выпускник, Евгений Реутов поражал Алексея наблюдательностью, рассудительностью и мгновенными реакциями.

– Ты во время гребка руку не доводишь до конца, – сказал он ему после первого же посещения бассейна и тут же показал, как именно надо действовать.

Когда Алексей сделал первые несколько выстрелов из пистолета, услышал за спиной голос Артема Белоконя, своего нового знакомого по команде:

– Пистолет надо пристрелять.

– Пристреливают бешеных собак и пьяных офицеров, – последовала презрительная реплика Реутова, – а стрелковое оружие приводят к нормальному бою.

Алексей оглянулся и увидел, как Артем молча пожал плечами и так скривил лицо, как будто хотел сказать: «Ну и умник же этот Реутов».

И все-таки во время чистки пистолетов именно Реутов проявил к Алексею неподдельный интерес и не только посоветовал подточить носик шептала пистолета, но сам в конце концов выполнил эту довольно рискованную процедуру. Алексея подкупало, что этот парень во всем старается разобраться досконально, пробует буквально разложить задачи и способы их выполнения по полочкам.

Когда он подтачивал пистолетный механизм, Алексей не удержался и спросил:

– А что, если дежурный по училищу проверит или другой кто?

Реутов брезгливо скривился:

– Эти полковники годами не стреляют, а уж что такое «носик шептала» они понятия не имеют, поверь на слово. – Он стал очень серьезным. – Но мы тратим на стрельбу по три часа в день. И поэтому, я считаю, верх бездарности делать этот процесс механическим. Надо максимально полюбить оружие, и тогда оно тоже полюбит тебя.

И в самом деле, Евгений Реутов поражал окружающих невероятной дотошностью, с которой он вникал в организацию тренировок, в подбор упражнений. Всегда собранный до чрезвычайности, он единственный из всей команды читал специальную литературу. Один раз Алексей обнаружил у него в руках Виктора Пекелеса «Твои возможности, человек», другой раз капитан команды с карандашом в руках читал «Систему психофизического регулирования» Ханнеса Линндемана. Этот парень явно отличался неординарностью мышления и целеустремленностью. Однажды утром Алексей и Евгений оказались только вдвоем на тренировке в бассейне, и Алексей воспользовался моментом для разговора.

– Женя, ты прочитываешь громадное количество книг, тратишь свое время на поиски, а потом бесплатно раздаешь советы. Нет ощущения, что ты вручаешь оружие своим более ленивым соперникам?

В ответ Реутов пристально посмотрел Алексею в глаза.

– Ну, во-первых, я уже выполнил мастера спорта и выигрывал чемпионат ВДВ. Это, так сказать, потолок нашей так называемой спортивной деятельности, которой мы отдаем все время и силы. А во-вторых, то, что мы делаем, лишь поиск дальнейшей формулы индивидуального развития. Если ты собираешься по выпуску и дальше «захватывать» командные пункты, то ты зря тратишь время на тренировки. Тренировка – это не самоцель, но возможность раздвинуть границы действия своей личности, это самовоспитание.

Алексей изумился, что Реутов тоже не доверяет идее коллективной силы, что ему чужд бешеный вихрь из брошенных в пекло голубых беретов, которые там призваны сделать рай.

– Выходит, ты не очень-то стремишься отличиться на линейной службе, оказаться, скажем, на войне?

– Если выпадет воевать, каждый из нас должен максимально применять полученные тут навыки и знания. Но я за то, чтобы не участвовать в чужой войне. А для этого стоит хорошенько думать, и думать заранее о своей судьбе. Есть еще одно убеждение: война – всегда шаг назад для воюющего, она претит развитию личности, держит ее в плену.

– А как же тогда училище? Ошибка?

Брови его сломались и застыли углами, на лбу возникла складка морщинок.

– Почему же ошибка? Вовсе нет. Училище научило не просто думать, а думать очень быстро, мгновенно принимать решения в условиях, как у нас говорят, ядерного взрыва. В нашем РВДУ, как ни в одном другом месте, учишься ценить минуту, бороться за минуту. После училища жизнь течет быстрее, чем у подавляющего большинства людей, училище выводит из категории обывателей. Если, конечно, не потерять способность думать.

Реутов говорил эти слова с такой предельной ясностью, что Алексей еще раз поразился тому, насколько далеко он старается заглядывать, насколько вперед он все уже продумал и наметил. Да, Реутов – без пяти минут лейтенант, а сам он – всего лишь второкурсник. Но между ними уже такая колоссальная разница, как будто они из разных миров. Многие оказались для Алексея откровением. И он запомнил этот разговор, дал себе слово тоже прийти к осознанной деятельности, к пониманию значения каждого шага, который он делает или сделает в будущем.

Как же мир команды отличался от мира казармы! Добираясь до койки вечером, он словно пребывал в сомнабулическом полусне, совершенно нечувствительный к насмешливым уколам сослуживцев или недовольным замечаниям Иринеева. Замкомвзвода совсем не походил на других сержантов, потому что даже те, кто рьяно исполнял свои командирские обязанности, за рамками служебных распоряжений стремились сохранять человеческие отношения. А вот Иринеев был другой. Он не нуждался в друзьях, и даже со старшиной Корицыным у него сложились странные отношения, когда один из них вряд ли мог бы целиком положиться на другого. Но Иринеева несколько не смущало одиночество среди толпы, он ни с кем не сблизился и все свободное время посвящал либо учебе, либо авантюрным похождениям. Независимость от окружающих, нетерпимость к людям и демонстрируемая мизантропия Иринеева имели такие перекосы, что даже капитан Чурц не желал говорить с ним на отвлеченные темы. Да что там командир взвода, ротный, страстный любитель пошутить, старался не пускать в Иринеева стрелы своего язвительного юмора. Вероятно, интуитивно командир подразделения улавливал, что Иринеев, если его задеть, отвяжется на курсантах. Последние его не то чтобы опасались, но избегали; в их среде сержант неизменно имел короткую, но емкую характеристику: «Гнилая натура». Еще на первом курсе Иринеев отличался тем, что тайные издевательства над подчиненными выдавал за ревностное исполнение службы. Например, заставлял по нескольку раз в день драить пол в классе для самоподготовки, в то время как в других взводах влажную уборку делали в лучшем случае раз в два дня. Или отправлял курсантов на уборку территории перед какой-нибудь контрольной работой. Все бы ничего, но в таких случаях среди «уборщиков» оказывались те, кто лучше его владел предметом. Даже невооруженным взглядом в его действиях угадывались инфантильная месть, ревность и мелочность. Но так как командиром он в офицерской среде слыл подготовленным, а непомерное тщеславие не позволяло ему хоть в чем-то уступать другим сержантам, ротный закрывал глаза на душок, а порой и откровенную нечистоплотность в его отношениях с курсантами. Да и кто сказал, что командир должен быть изысканным в речах, как дворянин, и деликатным в поступках, как средневековый рыцарь?! В итоге Иринеев стал настоящим хозяином во взводе, и офицеры не мешали ему создавать атмосферу, насквозь пропитанную ядом его собственной ущербности.

Потому-то курсант Артеменко и был счастлив, что благодаря изолированности спортивной команды он мог сохранять самобытную индивидуальность, оставалась целостной и плотно зашнурованной личностью. Он еще не знал точно своего дальнейшего пути, но уже не был пигмеем, чувствовал себя способным дышать полной грудью и думать. Нипочем ему были

мелочные попытки замкомвзвода мстить за новый образ жизни; всяческие, даже изощренные, подлости он воспринимал с молчаливой усмешкой. А Иринеев донимал его методично разработанными, расчетливыми ударами, выдаваемыми под личиной справедливости. Сержант по вечерам часто отправлял его на работы, которые были пропущены им из-за тренировок. Дошло до того, что Иринеев нарочно оставлял Алексею нерасчищенные участки снега или неубранной территории, которые приходилось убирать после ужина – вместо подготовки обмундирования к следующему дню. Последнее смещалось на ночное время, но Артеменко не роптал. «А что, ты в спорт ударился, а твои товарищи за тебя, что ли, должны работу делать? Все должно быть справедливо!» – приговаривал Иринеев, подводя подчиненного к целому холму снега, с которым следовало расквитаться в ближайший час. После трех напряженных тренировок. И Алексей молча брался за лопату, он ни о чем не жалел.

Как только Иринеев исчез, на улице с обмотанной шарфом шеей и с лопатой в руках появился Игорь Дидусь.

– Але, братан, че скучаешь? Смотри на мир проще, и люди к тебе потянутся, – с напускной веселостью извлекал из себя нужные слова Игорь.

– Тебе-то зачем это? – хмуро спросил Артеменко в ответ, кивая на лопату.

– Подышать свежим воздухом перед сном. А потом, по секрету скажу, Иринеев тебе чуть больший кусок нарезал, чем остальным. Так что не шибко справедливо получается... Да ты не переживай! Он просто жаждет значительности, хочет, чтоб его боялись. Это все командиры делают, когда они недалекие, – объяснил Игорь ситуацию, и Алексей был безмерно благодарен другу за это участие. Ему в такие минуты рядом с Игорем становилось легко и просто, появлялось ощущение неизбывной, настоящей мужской дружбы, а истощенные энергетические резервуары тотчас заполнялись новой, невиданной силы субстанцией. Как ракета, заправленная топливом, готова преодолеть земное притяжение, так и курсант после такого общения обретал чувство готовности к полету, к преодолению любых преград.

Они взялись за работу, по привычке отрывисто переговариваясь. Снег был пушистый, не налившийся тяжестью; он тихо падал с томно вздыхающего неба, укладываясь на плац и плечи двух курсантов нежно и осторожно, словно боясь спугнуть их досадной перспективой долгого ночного снегопада. И оттого и сам плац казался бесконечным, не имеющим границ, как степная целина, и они сами чудились себе великими миссионерами, пришедшими в этот мир для преобразований.

Когда работа уже приближалась к концу, Алексей осторожно завел разговор о военной карьере. Как магнитное поле полюса сносит стрелку компаса к северу, так и мысли их неизменно сбивались к будущему, ибо курсантская жизнь состоит преимущественно из мечтаний, размышлений и планов. Они как будто и не жили, а только готовились жить.

– Мне кажется, что ты с самого начала неправильно воспринимаешь училище, – сказал Игорь, налегая на лопату.

– В чем?

– Леша, ты ищешь какой-то высший смысл, которого на самом деле не существует. Если хорошенько посмотреть в корень, нас учат тут не лопатки метать и не крутить нунчаки, а воевать. Ты просто забыл! Воевать успешно, с пониманием дела. Можно быть супербойцом и ничемным командиром, улавливаешь?!

И опять каждый уделил внимание своему снегоочистительному оружию.

– А как же Шура Мазуренко? Он же живой сержант Магвайер из романа Флэнагана «Черви»...

– Я не знаю, какой там выдающийся сержант Магвай. ... – он нарочито запнулся, словно пытался отделить стеной книжные картины от реальной жизни.

– Магвайер, – поправил его Алексей. Он остановился, упершись обеими руками в лопату.

– Пусть так. Я, кроме мемуаров Жукова, мало что читал. Но зато воспоминания легендарного маршала изучил до дыр. Так получилось. – Тут Игорь перевел дыхание. – Ну просто у нас в части книг художественных вообще не было. В библиотеке только «Крылья над Родиной» и Георгий Жуков. – Он опять сделал паузу. – Так вот, Шура Мазуренко, может быть, и боец отменный, но на Жукова ни капли не похож. И еще. Я видел, каким должен быть хороший офицер, и отца своего от старшего лейтенанта помню до полковника. Да и других видывал... И поверь мне, не вяжутся у меня в голове два понятия – «Шура Мазуренко» и «хороший офицер». Ладно, жизнь покажет. Или, еще лучше, война все спишет, как говорит наш выдающийся тактик. А теперь давай пройдем скребком, так почище будет.

И они разом налегли на широкий металлический скребок – кусок металла с приваренной к нему дугой прочного прута, служившего ручкой.

– Я думаю, хватит, – сказал Игорь, указывая рукой в трехпалой рукавице на уличный фонарь, под которым особенно было видно невероятно подвижный рой белых снежинок, танцующих в своем бесконечном насмешливом танце. – Надежды на то, что вечером снег вывезет машина, никакой. А утром начнется вторая серия.

– Да уж, – согласился Алексей. – А еще конспект по ВДП переписывать.

– Воздушно-десантная подготовка – это, брат, ерунда. Ты, Леша, просто должен для себя окончательно решить, зачем ты сюда пришел. Если стать классным офицером – это одно. Если великим диверсантом – совсем другое. Нельзя воевать на два фронта, загнешься. Я тебе одну поучительную историю расскажу, только между нами, я ее от дядьки слышал во время одной офицерской посиделки. Нам такие вещи на занятиях не рассказывают. Так вот, когда в Афгане готовили штурм дворца Амина, то первоначально один дуболом генерал Гуськов, как сейчас помню, замкомандующего ВДВ, собирался отправить на захват объекта всего 22 офицера спецназа. У него затмение в мозгах возникло. Несколько дней подготовки этой операции всех лихорадило. Ну, ты представь, что человек чувствует, когда его на верную смерть отправляют? И только потом каким-то чудом решение этого идиота в погонах удалось отменить. Ну, дальше ты знаешь в деталях, как мы разбирали на занятиях. Только десантников Востротина добрая сотня была, а бойцов и офицеров спецназа – всего около четырехсот. Но я тебе о другом. О том, чтобы ты сказки о лихих богатырях выбросил из головы. Все наши великие супербойцы на сказочного Рэмбо похожи только дома за стаканом водки. А в жизни больше напоминают бойцовских бульдогов, которых хозяева постоянно водят на собачьи бои.

– Я просто привык думать, что командир должен быть лучшим и первым. Возьми хоть Гнея Помпея, известного полководца Древнего Рима: он в пятьдесят восемь лет копье метал лучше любого из своих легионеров. Вот это пример.

– А толку?! Ты ж сам мне рассказывал, что ему голову отрубили посланники египетской власти, чтобы перед Цезарем расшаркаться. То есть накаченные мускулы мало чем помогли ему в жизни, а вот головы-то толковой и не хватило.

Игорь распрямился и заулыбался тому, как он ловко использовал рассказ товарища против него же. «Ого, – подумал Алексей, – смысленный, хватает на ходу и тут же применяет».

Спорить дальше не имело смысла. Да и Алексей чувствовал, что Игорь говорил не своими словами, скорее пересказками дяди-полковника или его весомых собеседников, но это стало его личным убеждением. Говорил его друг, по сути, справедливо, и именно это не давало Алексею покоя.

Ночью, когда Алексей проснулся, чтобы подшить воротничок и почистить сапоги, он опять вспомнил о разговоре. Действительно, Игорь рационален. Ну сколько раз он, к примеру, делает выход силой на перекладине? Да, может, несколько, а может – один-два раза. Это его мало заботит, как и то, что он бежит только на твердую четверку. Штанга его не привлекает. По вечерам в расположении роты товарищ не принимает участия в отработке приемов в нескончаемых спаррингах. Да и учится он далеко не на «отлично». Но он какой-то двужильный. Как-

то они боролись на городке, так Игорь сумел уложить его, Алексея, на лопатки. Чем очень изумил, уж такого Алексей никак не ожидал. В нем была какая-то сосредоточенная, мужицкая, не показная, крестьянская сила от земли, энергия от сохи. При всей незатейливости и простоватости своего мышления он очень хорошо знал, куда движется. И в этом было его несомненное преимущество, его бубновый туз, припасенный для главного момента игры. Игорь любит армию со всей ее дуростью, вонью, неприглядностью и минутным, пленяющим блеском шагающих по Красной площади гордых колонн. Сам же Алексей армию не любит, хотя боготворит в ней то полуреальное, мистически яростное начало, красивую легенду о колдовской силе воина, мечту, с несбыточностью которой он столкнулся. Мечущийся по сторонам, из-за рассеянных во все стороны усилий он не мог определить свои истинные цели и потому был лишен так необходимого ему иммунитета, умения приспособиться к обстоятельствам.

Алексею была нужна пауза, и он получил ее. Проводя ранней весной контрольное занятие для команды многоборцев, полковник Мигулич открыл рот от изумления. Он явно не ожидал столь потрясающих изменений от новичка. Алексею, конечно, было еще далеко до выступления на чемпионате ВДВ, но место в команде он заслужил честно. Впрочем... если бы курсант Артеменко знал, что начальник кафедры физической подготовки училища давно разгадал истинную природу феноменального роста его результатов, он был бы сам шокирован не меньше бывалого полковника. Курсант пребывал в уверенности, что обретенная им свобода не является самоцелью и автоматически не обеспечит счастья. Это просто точка отсчета, новый старт. Чувство свободы всегда обостряется после ее ограничения. Тот, кто однажды боролся за свою свободу, очень долго об этом помнит. Некоторые не забывают никогда. Курсант Артеменко знал, зачем ему нужна свобода, – с некоторых пор он слишком сильно стремился сделать содержательной свою жизнь, ему очень хотелось обладать конструктивной силой, быть героем с отчетливо выраженной индивидуальной этикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.